

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА И ТАКТИКА
«БЕШЕНЫХ» (ЖАКА РУ И ЛЕКЛЕРКА) ЛЕТОМ 1793 г.

Сергей Львович Сытин

Из истории якобинской диктатуры:
труды межвуз. науч. конференции
Одесса. МСМЛXII (1962)

Веб-публикация: [Vive Liberta - ИстМат](#)

Вопрос о политической программе и тактике «бешеных» летом 1793 г. изучен недостаточно. В трудах буржуазных и правосоциалистических историков мы находим по этому вопросу немало домыслов, конечным результатом которых является вольная или невольная идеализация якобинцев, замазывание классовой ограниченности их политики.

Ряд авторов (Жорес и другие) утверждают, что «бешеные», полностью игнорируя все, что находилось за пределами их социально-экономической программы, выступали летом 1793 г. против Конвента и Комитета общественного спасения, толкали массы на восстание против Конвента и разгон его и тем самым объективно помогали контрреволюционерам. С другой стороны, Матьез оправдывает разгром «бешеных» якобинцами тем, что «бешеные» были якобы сторонниками анархического, стихийного террора¹. Такую же точку зрения на позицию «бешеных» в вопросе о терроре высказывает и троцкистский историк Герен², делая, правда, из этого выводы, противоположные выводам Матьеза. А Домманже объясняет поражение Жака Ру в борьбе с якобинцами тем, что Ру из-за слишком узкого кругозора «оставлял войну на заднем плане», что деятельность «бешеных» мешала якобинцам довести войну до победы³.

Советские историки в своих работах по истории движения плебейских масс Парижа во главе с «бешеными» пришли к верной в основном оценке, однако по отдельным вопросам, связанным с политической программой и тактикой «бешеных», ясность не внесена до настоящего времени.

¹ А. М а т ь е з. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, 1928, М.-Л., стр. 256.

² D. Guérin, La Lutte de classes sous la première republique T. 1, P., 1948 p. 84.

³ M. Dommanget, Jacques Roux, (le curé rouge) et le Manifeste des Enragés, P., [1950], p. 79—80.

В своей работе «Конвент» Н. М. Лукин писал, что «бешеные» «...повели антиправительственную агитацию в секциях, требуя введения в действие новой конституции и ликвидации террора. Эта тактическая ошибка крайней левой оппозиции была искусно использована Робеспьером для ее уничтожения как партии. Уже 5 сентября по предложению Якобинского клуба был арестован Жак Ру...»⁴. И так, тактические ошибки «бешеных» по важнейшим политическим вопросам и как следствие — репрессии со стороны якобинцев — такова точка зрения Н. М. Лукина.

Аналогичная точка зрения сформулирована в книге А. Левандовского «Робеспьер». По мнению автора, «бешеные» помышляли о ниспровержении якобинской диктатуры, наносили удар обновленному демократическому Конвенту, выступали против революционного террора и совершали другие тактические ошибки. Эти ошибки изолировали «бешеных» от широких народных масс и дали возможность якобинцам выдвинуть против них клеветнические обвинения, послужившие поводом для их ареста⁵.

Если Н. М. Лукин и другие авторы считают, что разгром «бешеных» был следствием их агитации за конституцию 1793 г., то другие авторы утверждают, что Жак Ру был арестован в августе 1793 г. «за агитацию против конституции»⁶.

Настоящая работа посвящена политической программе и тактике «бешеных» в июле—августе 1793 г., до народного выступления 4 сентября 1793 г.⁷. В этот период «бешеные» возглавляли (наряду с Эбером) революционное движение плебейских масс Парижа и их взгляды оказывали существенное влияние на движение масс, на ход революции. После народного выступления 4 сентября 1793 г., в период разгрома «бешеных» якобинцами и как результат этого разгрома, политическая программа Ру и Леклерка претерпевает существенные изменения. Однако в эту эпоху «бешеные» были уже изолированы якобинцами от масс и их отдельные ошибочные взгляды не могли играть сколько-нибудь заметной роли в событиях революции.

⁴ Н. М. Лукин, Избранные труды, т. I, М., 1960, стр. 407.

⁵ А. Левандовский, Максимилиан Робеспьер, М., 1959, стр. 284, 285, 286.

⁶ Новая история. Под ред. акад. Е. В. Тарле и др., ч. I, М., 1939, стр. 130.

⁷ Основными источниками для настоящего исследования послужили газета Жака Ру «Публицист Французской республики», издаваемый Тенью Марата, Друга народа, депутата Конвента, автора многих патриотических произведений и газета Леклерка «Друг Народа», (издаваемый) Леклерком из Лиона из коллекций Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Борьба за революционный террор

Революционный террор сыграл огромную роль в победе, одержанной французской буржуазной революцией конца XVIII века над своими внутренними и внешними врагами. Революционный террор был делом народа, делом плебейских масс. Объективно «господство террора во Франции могло... послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции»⁸. «Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделиться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством»⁹.

Народные массы требовали применения революционного террора не только к дворянам и священникам, эмигрантам и заговорщикам, изменникам и шпионам, но и к спекулянтам, скупщикам, банкирам, крупным фермерам и их весьма многочисленным ставленникам во всех административных, судебных и прочих учреждениях и даже в Конвенте, т. е. требовали применения террора к значительной части самой буржуазии, которая, ведя борьбу с внутренней и внешней феодальной контрреволюцией, в то же время наживалась на войне и усиливала эксплуатацию пролетариата. Отсюда та «трусливая осмотрительность» буржуазии в деле использования террора для борьбы с внутренней феодальной контрреволюцией, о которой писали Маркс и Энгельс¹⁰. Даже монтаньяры, это левое, наи² более революционное крыло Конвента, относились летом 1793 г. к требованию плебейских масс о постановке в порядок дня революционного террора сдержанно и даже враждебно. Лишь «плебейский натиск» 4 сентября 1793 г. заставил Конвент удовлетворить это требование санкюотов. Поставив террор в порядок дня якобинская буржуазия направила его удары не только против своих врагов справа, но и на оппозицию слева, применив террор для подавления малейших попыток самостоятельного революционного движения городской и деревенской бедноты. В вопросе о терроре, как и в большинстве других важных вопросов революции, ярко проявилась противоположность интересов широких народных масс и буржуазии.

Борьба плебейских масс за революционный террор нашла в июле и в августе 1793 г. свое наиболее полное и глубокое выражение в газетах Жака Ру и Леклерка «Публицист Французской республики» и «Друг Народа», явившихся наряду с «Отцом Дюшеном» Эбера подлинными организаторами и вдохновителями «плебейского натиска» 4 сентября

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 299.

⁹ Там же, т. 6, стр. 114.

¹⁰ Там же, т. 4, стр. 299.

1793 г., заставившего якобинцев поставить террор в порядок дня.

Страстно требуя в июле—августе 1793 г. в своей газете поставить в порядок дня революционный террор, Ру указывал, что «в деле революции единственное средство ее упрочить — это сокрушить изменников в ярости войны»¹¹. «Нет середины между разгромом врага и гибелью под его ударами, — писал он несколькими днями позже. — Если вы сомневаетесь в этом принципе, я покажу вам жестокости, которые тройная аристократия совершила с начала революции»¹².

Какова должна была быть классовая направленность революционного террора, к которому призывал Ру летом 1793 г.? Все граждане разделялись им на хороших, добрых (bon) и плохих, подозрительных, мятежников. К плохим гражданам Ру относит прежде всего бывших привилегированных — дворян и священников, всех их сторонников, фельянов и федералистов. Плохие граждане лишаются доверия народа, и, как следствие этого, права занимать какие-либо военные или гражданские должности. Они должны находиться под постоянным надзором и не имеют права иметь оружие. Значительная часть их подлежит аресту и суду¹³. Должна быть приостановлена выплата повинностей и уплата пенсий лицам, «которые дорожили бы старым режимом», т. е. дворянам и неприсягнувшим священникам¹⁴.

Но Ру не удовлетворился применением террора к жестоко сопротивлявшимся дворянству, духовенству и открыто примкнувшим к ним группировкам крупной буржуазии. С конца июня 1793 г. он все настойчивее требует применения террористических мер к широким кругам «новой», финансовой и торговой буржуазии, оставшейся еще в революционном лагере, но заинтересованной прежде всего в бесконтрольной эксплуатации народных масс и обогащении. Критерием для отнесения к категории плохих граждан, подозрительных являлись у Ру на этот раз уже не интересы революции вообще, а интересы народных масс, боровшихся за свои социальные интересы и этим двигавшими вперед развитие этой революции.

¹¹ Le Publiciste de la République Française... № 248, p. 7.

¹² Ibidem, № 252, p. 5.

¹³ Ibidem, № 248, p. 4—5; № 266, p. 5—6.

¹⁴ В «Речи о причинах несчастий Французской республики» Жак Ру требовал ареста и заключения в тюрьму «...всех подозрительных, дворян, неприсягнувших священников, банкиров, менял, спекулянтов, бывших привилегированных; иностранцев, известных своим антигражданским духом; прихвостней контрреволюционной фракции, всех тех, наконец, которые в течение последних четырех лет создали себе огромное богатство, покупали и продавали звонкую монету, из принципа сочувствовали старому двору, препятствовали торжеству свободы и видели в республике могилу всех своих надежд» (Roux, Discours sur les causes des malheurs de la République française, p. 19. См. об этой речи выше, стр. 318—322—*Ред.*).

Ру указывал на то, что римский сенат «приостанавливал действие законов по отношению ко всякому, кто высказывался против дела народа»¹⁵. «Гильотина всем тем, кто в течение четырех лет обогащался на слезах несчастных»¹⁶, — писал Ру в номере «Публициста» от 6 августа 1793 г. «Те, кто обогатились с начала революции, в эпоху, когда добрые граждане принесли столько жертв, когда они разорялись, являются наверняка эгоистами, мошенниками, контрреволюционерами»¹⁷, — развивал он ту же мысль в следующем номере. Необходимо рассматривать как мятежников и отправить на гильотину «общественных пиявок», объединившихся, чтобы заставить умереть от голода женщин и детей. «Быть снисходительными по отношению к изменникам, к скупщикам — это значит объявить себя сторонниками ажиотажа и взяточничества, это значит убивать общество»¹⁸.

Помимо смертной казни для спекулянтов и скупщиков, отстранения от общественных должностей всех тех, кто держит сторону «привилегированных каст», недопущения финансистов, банкиров, вообще богатых к службе в армии, выдачи заграничных паспортов только «негодянам добрых принципов», Ру требовал конфискации богатств, состояний, нажитых с начала революции, или же лишения «новой» буржуазии права приобретать земельную и недвижимую собственность и вкладывать в торговлю накопленные за время революции капиталы, что было почти равноценно конфискации этих капиталов¹⁹.

Революционный террор должен был поразить и всех ставленников «новой» буржуазии в административных и судебных органах и в самом Конвенте. Гильотины, по мнению Жака Ру, заслуживали две трети членов трех законодательных собраний и множество неверных администраторов, изменяющих делу народа и являющихся «мошенниками, скупщиками, спекулянтами, агентами голода»²⁰.

По мнению Леклерка, революционный террор должен был быть применен ко всем без исключения бывшим привилегированным, к фельянам и жирондистам, а также к «новым аристократам» — скупщикам, спекулянтам и большей части богатых.

¹⁵ Le Publiciste, № 257, p. 2.

¹⁶ Ibid., № 252, p. 7—8.

¹⁷ Ibid., № 253, p. 8.

¹⁸ Ibid., № 254, p. 6—7.

¹⁹ С. Л. Сытин, Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле—сентябре 1793 г. Ученые записки Ульяновского гос. пед. института им. И. Н. Ульянова, вып. VIII, стр. 264—265. Ульяновск, 1956.

²⁰ Le Publiciste, № 252, p. 7, № 254, p. 7.

Леклерк добивался отстранения от любых военных и гражданских должностей всех без малейшего исключения дворян и священников, независимо от их отношения к революции. «Народ всегда будет видеть в этих людях своих прирожденных врагов», — писал он о дворянах и священниках. Они не были народом, никогда не смогут стать народом, были и сторают желанием вновь стать палачами и убийцами народа²¹.

Но одного отстранения от должностей мало. Враги революции должны быть арестованы, заключены в тюрьмы до окончания войны или же гильотинированы²². Идеальным средством покончить с дворянской, священнической и торговой аристократией было бы, по мнению Леклерка, «отправить их (аристократов всех родов) на тот свет, погрузив на гильотину»²³. И лишь постольку, поскольку подобное предложение имело мало шансов быть принятым, он был готов удовлетвориться их тюремным заключением до окончания войны.

Как мыслили себе Ру и Леклерк практическое осуществление страстно требуемого ими революционного террора?

С первого до последнего номера своего «Публициста» Ру выступал сторонником организованного и только организованного законными органами революционного правосудия. Необходимо, писал он 27 июля, «заставить блистать меч закона над головами виновных... Свободный народ никогда не заключит соглашения с мятежниками. Он их разоблачает, он их преследует, правосудие их поражает»²⁴. В последующих номерах вождь «бешеных» вновь и вновь подчеркивал, что карать должен «меч закона», что врагов народа нужно судить²⁵. Вместе с Эбером и Робеспьером Ру требовал упростить и ускорить судопроизводство в революционном трибунале. Ру угрожал судом народа, но не «изменникам», не тем, кого должен карать революционный трибунал, а самим судьям, в случае, если они не выполняют своего долга²⁶.

В отличие от Жака Ру Леклерк выступал во второй половине июля и вплоть до конца августа за стихийное осуществление революционного террора самими санкюлотами. Из

²¹ L'Ami du Peuple par Leclerc, № IX, p. 5.

²² Леклерк не всегда последователен, когда речь идет о том, должны ли подобные меры распространяться на всех бывших привилегированных и «торговую аристократию», или только на определенные группы этих трех «аристократий», на подозрительных. В одних случаях он говорит о необходимости ареста и даже гильотинирования *всех* дворян, священников, скупщиков, спекулянтов и т. д., в других заявляет, что число арестованных подозрительных будет составлять всего около 20 тысяч и требует для них тюремного заключения до конца войны.

²³ L'Ami du Peuple, № XVI, p. 2—3.

²⁴ Le Publiciste, № 248, p. 7.

²⁵ Ibid., № 252, p. 7—8, N. 254, p. 2, 7.

²⁶ Ibid., № 262, p. 4—5.

номера в номер он призывал народ к новому восстанию и даже к революции для расправы со своими врагами²⁷.

8 августа, накануне праздника Федерации, Леклерк выступил с открытым призывом к немедленному восстанию. «Необходимо лишить врагов народа возможности вредить нам.— Никакой пощады для злодеев» — так был озаглавлен вышедший в этот день IX номер «Друга Народа». Начав с указания на растущие бедствия революционной Франции, Леклерк указывал, что если у законодателей нет причин жаловаться на народ, то у народа есть все основания быть недовольным своими законодателями, которые отказали ему в установлении твердых цен на предметы первой необходимости, в аресте подозрительных людей и отстранении дворян и священников от всех гражданских и военных должностей. А поэтому «родина должна ожидать своего спасения только от революционного потрясения, которое дало бы электризирующий толчок ее многочисленным жителям от одного края республики до другого» и послужило бы сигналом к расправе со спекулянтами и другими врагами народа. «...Скажем нашим согражданам, — писал он, — что убийства с помощью голода, убийства с помощью оружия — вот преступления врагов свободы; скупщики, спекулянты и большая часть богатых виновны в первых, дворяне и священники совершили вторые. Вот приговор и произнесен; вот одновременно программа и манифест справедливой мести народа». Далее Леклерк, возможно с целью несколько смягчить все сказанное, подчеркивал, что суд, осуществляемый самим народом, должен иметь место только в том случае, если Конвент объявит всеобщую амнистию в момент принятия конституции²⁸. «Пусть комиссары суверена, прибывшие из своих департаментов, — писал Леклерк 14 августа в XI номере «Друга Народа», — отправятся туда, чтобы пробудить революционное восстание; надо, чтобы в результате революционного движения все санкюлоты внутри страны поднялись, раздавили у

²⁷ В вышедшем 23 июля втором номере газеты Леклерк иронически восхищается «терпением народа по отношению к пожирающим его пиявкам» и призывал его броситься на эту «горсть убийц» (L'Ami du Peuple..., № II, p. 4). В следующем номере он довольно недвусмысленно напомнил о сентябре прошлого года и призывал народ развернуть 10 августа «всю широту своего могущества» и дать почувствовать врагам силу своей руки, чтобы 12-го утром можно было «вычеркнуть из словаря слово аристократия» (там же, № III, p. 3—4). «Франция и особенно Париж, — писал Леклерк в номере от 4 августа, — укрывает в своих недрах самых жестоких врагов нашей республики, и однако до сегодняшнего дня мы не приняли никаких мер, чтобы взять их под надзор. Народ, не ждешь ли ты от своих установленных властей того революционного потрясения, от которого ты должен надеяться получить свое спасение? Нет, они только пассивные органы законов; они могут только проповедывать его исполнение, и один суверен может его аннулировать или нарушать» (там же, № VII, стр. 4).

²⁸ L'Ami du Peuple..., № IX, p. p. 2—5.

себя всех врагов общественного блага и, вооруженные оружием, которое они отнимут у этих злодеев, пришли в Париж...»²⁹.

С празднеством 10 августа 1793 г. (первая годовщина свержения монархии) у значительной части плебейских масс связывалось представление о новой революции, новом восстании, призванном покончить со всеми врагами народа. Соответствующая агитация велась в парижских секциях в конце июля—начале августа параллельно агитации за всеобщий максимум, за то, чтобы были открыты для проверки коммунальные магазины.

Ряд интересных фактов из истории этой агитации приведен А. Матъезом³⁰. Она находила прямую и косвенную поддержку далеко не у одного Леклерка. Ее безоговорочно поддерживал Эбер в «Отце Дюшене». Мысль о необходимости ознаменовать день 10 августа, т. е. первую годовщину свержения монархии, решительным ударом по врагам народа, и, в частности, по спекулянтам и скупщикам одобрялась и поддерживалась Жаком Ру. Но с той разницей по сравнению с Леклерком (да и Эбером), что он призывал не к восстанию, не к стихийной расправе с врагами революции и санкюлотов, а к энергичной и быстрой, но организованной расправе с ними на основе закона. «Час вашего поражения приближается...— предупреждал Ру спекулянтов 8 августа.— Друг народа заставит вас отдать обратно награбленные за годы революции богатства. ...Мы собираемся присягать республиканской конституции. Этот праздник будет вашей могилой. Санкюлоты вам сообщают, что торговля не состоит более в том, чтобы морить голодом себе подобных, что жизнь человека является священнейшим видом собственности. И раз вы задушили голос природы, раз вы принесли в жертву вашей ненавистной алчности состояние, свободы и жизнь граждан, вас будут рассматривать как мятежников, вас поместят под нож гильотины...»³¹.

Агитацию за то, чтобы именно в день 10 августа 1793 г. положить начало массовому применению революционного террора, поддерживала, отметив, что она против стихийной народной расправы, и газета «Парижские революции». «Если упадут головы, то это будет по закону, под мечом справедливости; да, пусть дни, которые последуют за праздником единения, будут посвящены последнему суду над заговорщиками, изменниками, над всеми теми, кто совершил большие злоупотребления большой властью, которая была им поручена для высшего блага всех. Пусть нация очистится, прежде чем двинуться всей массой против своих врагов; но пусть этот суд совершится в присутствии всех представленных (на празднике 10 августа)

департаментов; нужно, чтобы от одного края республики до другого единодушно аплодировали каждому удару, который нанесет закон»³². 31 июля некто Жюльен выступил в клубе Кордельеров с призывом к новому восстанию для очистки армии и администрации. А 2 августа Лежандр предложил в Якобинском клубе «оставаться спокойными до 10-го и нанести величайшие удары на следующий день»³³. Предложение это было покрыто аплодисментами.

Непосредственным результатом этой агитации было декретирование Конвентом 12 августа (правда, лишь в принципе) ареста подозрительных³⁴.

Была ли вся эта агитация, все эти призывы к новому восстанию и т. д. направлены против Конвента? Нет, не были. И наиболее убедительным доказательством является реакция на эту агитацию со стороны правительства. Трудно предположить, чтобы Робеспьер и другие лидеры монтаньяров не забились бы тревогой по поводу подготовки восстания против Конвента, против правительства. Между тем, они опасались лишь повторения сентябрьских событий 1792 года, лишь стихийного народного выступления против контрреволюционеров, спекулянтов и скупщиков. «Употребляются все средства,— говорил Робеспьер в Якобинском клубе 7 августа,— чтобы вызвать волнения, создавая искусственный голод. В течение пятнадцати дней вывезено из Парижа только продуктов первой необходимости в количестве, по меньшей мере, достаточном, чтобы прокормить сто тысяч человек; возбуждают беспорядки, причем провоцируемые движения преследуют, по-видимому, три цели. Первая из них — разграбить магазины руками народа или скорее руками негодяев, переодетых в одежду, которую носит народ, в уважаемую одежду бедности. Вторая — направить народ к тюрьмам и возобновить там ужасы сентября. Третья — двинуться на Арсенал и захватить там боевые припасы всякого рода»³⁵. Совершенно в том же духе высказывался «Journal de la Montagne» в номере от 23 июля³⁶ и вдова Марата Симона Эврар в своей петиции Конвенту 8 августа, направленной против Ру и Леклерка и инспирированной Робеспьером³⁷.

В конце августа Леклерк начинает пересматривать свою позицию в вопросе о том, каким образом должен осуществляться революционный террор. Теперь он указывает на желательность осуществления террора «законным способом».

²⁹ „Révolutions de Paris“, № 211, t. XVII, p. 43.

³⁰ Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXVIII, p. p. 409—410.

³¹ Mantouchet, Le gouvernement révolutionnaire, Paris, 1912, p. 184.

³² Buchez et Roux, op. cit., t. XXVIII, p. 416—418.

³³ Ibid., p. p. 364—366.

³⁴ Ibid., p. p. 421—424.

²⁹ L'Ami du Peuple... , №. XI, p. 5.

³⁰ А. Матъез, цит. соч., стр. 207—209.

³¹ Le Publiciste... , №. 254, p. 6—7.

Приветствуя в номере от 23 августа обсуждавшийся в Конвенте проект декрета о всеобщем ополчении, Леклерк призвал сперва раздавить внутреннюю контрреволюцию, а потом уже направляться на фронт. «Надо, чтобы поднялась Франция, но не надо, чтобы аристократы тоже могли подняться», — писал он. Пусть закроют заставы и прекратят торговлю и всякие дела, кроме производства оружия. Необходимо, «чтобы немедленно были сформированы народные суды, составленные из квинтэссенции граждан, и были поставлены две постоянные гильотины на площади Революции по декрету или без декрета, согласно приказам революционного комитета, который, я надеюсь, не будет составлен, как это обыкновенно делали, из слабых и неблагонамеренных людей; отряды вооруженных сил отправятся ко всем скупщикам, спекулянтам, подозрительным, эгоистам и людям, разбогатевшим во время революции, хищникам республики вообще, какой бы маской они ни прикрывались...». «Все эти меры, — подчеркивал далее Леклерк, — могли бы быть осуществлены законно, если бы в недрах Конвента не царил приводящий в отчаяние дух умеренности по отношению к общественному делу; да, я смею сказать, я начинаю предполагать, что если это продолжится еще некоторое время, гора родит мышь и народ будет вынужден спасать себя сам»³⁸. Далее он подвергал жестокой критике деятельность революционного трибунала.

Хотя Леклерк и считал желательным осуществление революционного террора «законным путем», то есть Конвентом, через посредство административных и судебных органов, но верил он в такую возможность мало. Об этом свидетельствует номер «Друга Народа» от 27 августа. «...Почему не образовать сразу несколько трибуналов, которые на площади и перед гильотиной судили бы окончательно изменников и заговорщиков? Почему не уничтожить этот так называемый революционный трибунал, который милует самых закоренелых преступников, затягивает процесс изменника Кюстина и спасает от эшафота самых известных преступников... О прекрасные дни фонаря, памятные времена народной энергии, что с вами стало!»³⁹. Однако Леклерк тут же подчеркивает, что вопрос о том, придется ли прибегнуть к «фонарю», целиком зависит от Конвента. Призывая отправляющихся на фронт санкюлотов поклонить перед уходом с контрреволюционерами всех родов, он писал: «...Можно законно, и не давая пищу клевете, заставить их всех пасть под мечом закона, их преступления достаточно известны...; но если твои должностные лица... защищали бы их по своей слабости и хотели бы избавить их от слишком заслуженной казни, то именно здесь восстание ста-

новится самой священной из обязанностей: именно здесь карающий топор народа должен заменить меч закона. Нет больше времени колебаться, надо, чтобы враги свободы были истреблены по закону или без него: дело законодателей решить, какой дверью злодеи должны выйти и исчезнуть с лица земли»⁴⁰.

Но уже 16 сентября Леклерк самым категорическим образом предостерегал санкюлотов против повторения событий 2 и 3 сентября 1792 г. «Хотят побудить народ возобновить сцену 2 сентября прошлого года, — писал он, — но... то, что может быть полезным в одно время, становится часто вредным и губительным в другое...». Народ должен помнить, что жирондисты Петийон и Горса были «самыми горячими апостолами дня 2 сентября», так как они были заинтересованы в гибели во время народной расправы опасных для них свидетелей из числа заключенных. «...Имея двенадцать трибуналов хорошего состава, — обращался Леклерк к парижанам, — вы можете в две недели очистить Париж от преступников, находящихся в нем; в ваших интересах заставить их умереть в силу закона; наблюдайте за тюрьмами и остерегайтесь коварных инсинуаций, которые вам будут внушать некоторые преступники, заинтересованные в том, чтобы уничтожить все, даже самые мелкие признаки, которые могли бы раскрыть их преступления, покрыть их позором и возвести на эшафот».

«Помните также, — предостерегал он далее, — что кровь невинного может пролиться вместе с кровью виновных, и что одна капля этой драгоценной крови стоит человечеству вечных слез. Никакой пощады контрреволюционерам — таково мое и ваше желание; но защита, братство невинному, патриоту — таково мое исповедание веры, таков мой ответ моим постоянным клеветникам»⁴¹.

Чем был вызван этот поворот в отношении Леклерка к способам осуществления революционного террора? Возможно, что желанием отнять у своих политических противников предлог для репрессий против себя. Кроме того, на тот же путь должны были толкать его и попытки правого крыла яacobинской буржуазии использовать террор для усиления своего влияния в ущерб интересам народных масс. В условиях начавшихся преследований со стороны яacobинцев соблюдение форм законности должно было служить какой-то гарантией личной безопасности для участников революционного движения плебейских масс.

Итак, если Жак Ру никогда не был сторонником стихийного террора и всегда и всюду подчеркивал, что он требует организованного террора, осуществляемого революционными властя-

³⁸ L'Ami du Peuple..., № XIV, p. p. 2—5.

³⁹ Ibid., № XVI, p. p. 5—6.

⁴⁰ L'Ami du Peuple..., № XVI, p. p. 5—6.

⁴¹ L'Ami du Peuple..., № XVIII, p. p. 6—7.

ми, то допуская стихийный народный террор и даже призывавший к нему Леклерк в последних числах августа изменил свою точку зрения и энергично выступил против повторения сентябрьских дней.

Организованного террора, осуществляемого органами революционной власти требовали и члены общества республиканок-революционерок. В поданной ими Конвенту 26 августа петиции они рассматривали изгнание из армий всех без исключения дворян и замену их патриотами, как важнейшее условие успешной борьбы с внешней контрреволюцией, а арест всех подозрительных людей — как залог победы над контрреволюцией внутренней. Однако, прежде чем приступать к аресту подозрительных, говорилось в петиции, необходимо провести генеральную чистку всех административных органов, так как закон об аресте подозрительных является «смешным», «если сами подозрительные люди обязаны приходить в исполнение»⁴².

Выдвинутое республиканками-революционерками требование предварительной чистки всех администраций заслуживает особого внимания. И не только потому, что оно неопровержимо свидетельствует о борьбе республиканок-революционерок только за организованный террор. Требование это показывает, что добиваясь постановки в порядок дня революционного террора в интересах народа, в интересах плебейства, республиканки-революционерки заранее оговаривали условия, которые гарантировали бы санкюлотов от применения этого закона против них самих. Это обстоятельство имеет чрезвычайно большое значение для понимания позиции предпролетарских революционеров в вопросе о революционном терроре после его постановки в порядок дня, в сентябре—октябре 1793 г.

Вопрос о способах осуществления революционного террора, предлагавшихся Жаком Ру, Леклерком и республиканками-революционерками, представляет существенный интерес. В своей книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» Альбер Матьез пытается объяснить поражение «бешеных» и победу «эбертистов» в начале сентября 1793 г. тем, что Ру и другие предпролетарские революционеры были якобы сторонниками анархического, стихийного террора, осуществляемого непосредственно народными массами, а Эбер ратовал за организованный террор⁴³. Подобная постановка вопроса показывает, помимо тенденциозного и неполного использования газет Жака Ру и Леклерка, неспособность или неже-

вание Матьеза вскрыть классовые противоречия, различие интересов мелкой буржуазии и предпролетарского ядра плебейских масс, лежавшие в основе подавления робеспьеристами и левыми якобинцами революционного движения большинства парижских секций во главе с Ру, Леклерком, Варле и Клэр Лакомб.

Ко всему сказанному выше об отношении предпролетарских революционеров к методам осуществления террора следует теперь добавить, что Эбер, в свою очередь, отнюдь не был неизменным сторонником только организованного террора. В июле и первой половине августа 1793 г. «Отец Дюшен» довольно недвусмысленно призывал к народной расправе со всеми внутренними врагами революции⁴⁴. Лишь в 273 номере «Отца Дюшена», вышедшем около 15 августа, Эбер впервые определенно заявляет, что он требует организованного террора. Конвент, писал он, должен создать революционную армию из десяти тысяч человек в каждом департаменте. Война против внутренних врагов будет недолгой, «если нас хорошо поведут».

Революционный террор рассматривался Жаком Ру как необходимое условие существования «царства законов, основанных на свободе и равенстве»⁴⁵, необходимое условие того, чтобы конституция 1793 г. могла стать реальностью и не погибнуть⁴⁶. «Англия,— писал Ру,— обязана своей конституцией,

т. е. от нелегальных средств. В этом смысле они давали повод к обвинениям их в пособничестве контрреволюции.

Для того, чтобы мог быть организован легальный террор, должен был предварительно прекратиться народный террор, который проповедывали люди вроде Варле, Жака Ру и Леклерка, необходимо было лишить их возможности продолжать свою агитацию в массах. Таким образом, день 5 сентября, с одной стороны, означал торжество программы Бешеных, а с другой стороны — с логической необходимостью вел к падению их главарей» (А. Матьез, цит. соч., стр. 256).

⁴⁴ «Пусть все санкюлоты поднимутся сразу, и пусть поспешно бросятся со всех сторон на внутренних и внешних врагов. Через несколько дней, черт возьми, Республика не будет их больше иметь...» (№ 263, ок. 23 июля). «Пусть этот прекрасный день (10 августа) будет, черт возьми, последним днем для дворян, для интриганов, для изменников...» (№ 267, ок. 1 августа). «Они (санкюлоты) утешаются надеждой, что через несколько дней Париж будет освобожден от всех негодяев, которые сеют там волнения...» (там же). «Париж заключает в себе в данный момент более двадцати тысяч разбойников, подкупленных Питтом и Кобургом; они только ждут сигнала, чтобы грабить и душить. Санкюлоты, друзья мои, заострите ваши пики и ваши сабли, чтобы захватить всех этих негодяев — лучше убить черта, чем ждать, пока он убьет вас, как я вам говорил сотни раз» (№ 268, ок. 4 августа). «Разве вы не имеете крепких рук, чтобы уничтожить эти скупщиков?» (№ 270, ок. 8 августа). Сразу же после праздника Федерации 10 августа (№ 271, ок. 11 августа) «Отец Дюшен» советовал посланцам департаментов по возвращении домой заставить «плясать карманюлу аристократов, роялистов и скупщиков».

⁴⁵ Le Publiciste..., № 248, p. 3.

⁴⁶ Ibid., p. 6.

⁴² Петиция республиканок-революционерок была опубликована Леклерком в XVII номере его газеты (р.р. 6—8).

⁴³ «Между методами «Пер Дюшена» и методами Бешеных была следующая разница. «Пер Дюшен» желал легального террора, его должны были проводить сами власти, предварительно подвергнутые чистке. Жак Ру и в особенности Теофиль Леклерк не отказывались от прямого действия.

как бы несовершенна она ни была, пятидесяти годам поражений и побед; республики поднимались на обломках тронов только после упорной борьбы против тех, кто им навязал ярмо варварских законов»⁴⁷. Дворяне, священники и их приспешники из рядов буржуазии являются, по его мнению, «естественными врагами» революции и народа, которые «не станут иными никогда»⁴⁸. Как обязательный элемент того политического и общественного строя, к которому он стремился, рассматривал революционный террор и, в частности, лишение всех политических прав дворян и священников и Леклерк.

Агитация Ру и Леклерка за революционный террор летом 1793 г. имела величайшее революционное значение. Она мобилизовала массы на активную борьбу с внутренней контрреволюцией. Она подготовила (наряду с агитацией «Отца Дюшена» Эбера) «плебейский натиск» 4 сентября 1793 г., который заставил якобинскую буржуазию поставить террор в порядок дня.

Ру и Леклерк об организации победы на фронтах

Вопросы войны и мира, вопросы, связанные с организацией победы над контрреволюционной коалицией, занимали на страницах газет Жака Ру и Леклерка большое место.

Жак Ру сурово осуждал внешнюю политику жирондистов и считал войну общественным бедствием. «Граждане,— обращался он 3 августа 1793 г. к депутатам Конвента в связи с тем, что в Конvente в это время заседали еще немало жирондистов,— в ваших стенах имеются еще эти отвратительные люди, которые призвали на отечество всевозможные общественные бедствия, эти чудовища, которые по предложению Людовика, щедро на кровь патриотов, скупого на кровь изменников, объявили войну Австрии, находившейся в течение двух лет в союзе с тиранами Европы, чтобы нас поработить; войну неполитичную (*impolitique*), которая возвещала жажду завоеваний, от которой мы отреклись; войну несправедливую, которая заставила истреблять народы, которые впоследствии были бы нашими друзьями и братьями; войну роковую, которая послужила предлогом, чтобы довести съестные припасы всех городов до чрезвычайной цены, войну, которая пожирает остаток общественного богатства и обрекает много миллионов людей на гибель...»⁴⁹. Прежде чем объявлять войну иностранным державам, надо было дать себе возможность не бояться ее, писал он в одном из последующих номеров «Публициста»⁵⁰.

Но война началась, интервенты топчут французскую землю, на карту поставлена судьба революции и республики, и Ру считает, что в интересах французов храбро поддерживать эту войну и довести ее до конца, хотя бы ценой жизни⁵¹. Защита отечества, революции и республики — такова для Жака Ру главная цель войны.⁵²

Сурово осуждая завоевательные тенденции жирондистской внешней политики, Ру видел в победе санкюлотов над коалицией залог успешной борьбы окружающих Францию народов за свое освобождение. «...Недалеко то время, когда нации будут управлять собою сами, когда колпак свободы уничтожит все короны, когда короли будут встречаться только в истории, которая рассказывает об их злодеяниях. Но, чтобы внушить народам желание разбить свои оковы, надо сокрушить без жалости врагов, которые нас окружают»⁵³.

Ведение войны Конвентом, его внешняя политика не удовлетворяли Жака Ру. Он считал, что Конвент действует недостаточно энергично и решительно, критиковал его за политику полумера. Мобилизация всех сил и средств для создания перелом в ходе военных действий и нанесения интервентам решительного поражения — такова была одна из главных задач, которые ставил перед своими читателями в июле и августе «Публицист Французской республики».

Важнейшим условием победы над внешним врагом Жак Ру считал проведение социально-экономических реформ в интересах санкюлотов. Развитию и обоснованию этого положения посвящены многие выступления Ру на страницах его газеты. Набрасывая 17 августа программу действий, которая могла бы предотвратить поражения, понесенные летом 1793 г. революционными армиями, Ру говорил о необходимости, наряду с мерами военного характера и мерами для подавления внутренней контрреволюции, выполнять репрессивные декреты против спекулянтов и скупщиков, взыскать с богачей принудительный заем в один миллиард ливров, устроить начальные школы и т. д.⁵⁴ «...Пусть позаботятся об облегчении участи граждан, оставшихся у своих очагов, пусть будут введены в действие декреты, направленные против спекуляции и барынищества. Пусть во всех коммунах республики будут учреждены комиссии для обследования нажитых во время революции состояний... Пусть по окончании войны часть имущества монархистов, федералистов и оставивших свой пост и предавших нацию депутатов, будет поделена между победителями — санкюлотами и их вдовами...», — писал он накануне событий 4—5 сентября. Эти меры, вместе с массовым набором и искорене-

⁴⁷ Le Publiciste..., № 248, p. 6.

⁴⁸ Ibid., p. p. 3—4.

⁴⁹ Ibid., № 252, p. 4.

⁵⁰ Ibid., № 257, p. 7.

⁵¹ Le Publiciste..., № 252, p. 4.

⁵² Ibid., № 246, p. 6.

⁵³ Ibid., № 257, p. p. 1—4.

нием внутренних врагов, обеспечат быструю победу патриотических фаланг над «рабами королей»⁵⁴.

Разгром внутренней контрреволюции — таково второе важное условие победы, о котором Ру неоднократно говорит на страницах «Публициста». Прежде чем отправляться бороться с внешними врагами, писал он 17 августа, необходимо было совершить «блистательное правосудие» над врагами внутренними.

Удаление из армии дворян было давним требованием народных масс. Летом 1793 г. его с особой горячностью выдвигали и отстаивали Леклерк и Эбер. Жак Ру шел значительно дальше. Он призывал не допускать в армию не только дворян и священников, но и значительную часть буржуазии. «Не надо привлекать к участию в славе маршировать под знаменами отечества всех людей без разбора»⁵⁵, — предостерегал он 20 августа и требовал не допускать в формирующиеся отряды банкиров, финансистов и богатых вообще, как изменников национальным интересам, и трусов. Однако в конце того же номера Ру высказывался за принудительную отправку на фронт «всей грязной шайки общественных пиявок»⁵⁶ (видимо на тыловые работы) с предварительной конфискацией их имущества.

Выражая интересы рабочих и ремесленной бедноты, Жак Ру уделял большое внимание мерам, которые должны были одновременно способствовать победе над врагом и улучшению материального положения бедноты. Одной из таких мер было развертывание военного производства, причем особое внимание Ру уделял производству ружей. Организация многочисленных мастерских для производства оружия должна была дать работу значительному числу санкюлотов⁵⁷.

Существенных результатов ожидал Жак Ру от полного прекращения торговли с внешними врагами республики. Эта мера должна была подорвать торговлю противников Франции, лишив их ее рынка, предотвратить вывоз из пределов республики «наиболее полезных товаров». Наконец, она должна была способствовать оживлению французской промышленности. «Не является ли безумием получать от врага ткани и другие товары, в то время как наши мастерские опустошены и наши мануфактуры бездействуют?»⁵⁸.

Немаловажным элементом в деле организации победы считал Ру и военное обучение граждан⁵⁹.

Было у Жака Ру свое мнение и по вопросу о том, как надо вести войну. Враги Франции, писал он, стремятся взять ее из-

мором, истощить и обескровить. Отсюда он делал вывод, что единственно правильной тактикой является напрячь все силы, обеспечить численный перевес над врагом и покончить с ним решительным ударом. «Адская тактика наших генералов, — писал Ру 23 июля, — состояла до настоящего времени в том, чтобы заставляя убивать в розницу солдат отечества, давая только частичные сражения. Хотите, вы, чтобы союзные державы тотчас признали независимость французской республики? Хотите вы установить мир внутри, упрочить общественное доверие, возродить торговлю и сельское хозяйство? Хотите вы сберечь кровь санкюлотов? Вставайте все!»⁶⁰. Жак Ру горячо приветствовал декрет Конвента о массовом наборе и протестовал в начале сентября против мобилизации лишь первой очереди граждан.

Ни первый, ни даже второй аресты не заслонили от вождя «бешеных» значения задачи мобилизации санкюлотов на борьбу с интервентами. Об этом свидетельствуют 266 и 269 номера «Публициста», выпущенные им из тюрьмы в сентябре—октябре 1793 г.

Жак Ру энергично возражал против расширения войны пока не будут разгромлены все силы внутренней контрреволюции, начиная от Вандеи и кончая спекулянтами и скупщиками. «Какое невежество или какое коварство со стороны тех, кто руководит военными операциями! — писал он в 266 номере своей газеты. — Уже говорить, что надо вторгнуться в Бельгию, завоевать Голландию, поднять трехцветное знамя в Италии; а между тем еще не уничтожили притоны в Вандее, не раздавили разбойников, которые опустошают департаменты Запада и Юга; Лион и Тулон поднимают еще знамя восстания, не прервали еще сношения мятежников с англичанами, которые высаживают легионы убийц на наших побережьях... Прежде чем нести вдаль славу нашего оружия следовало бы завершить эту внутреннюю войну. От этого зависит торжество республики»⁶¹. «Не смешно ли, — писал Ру страницей дальше, — нести здоровые чужестранным больным, в то время как внутри страны терзаются смертельной горячкой...»⁶².

В вышедшем в начале октября 1793 г. 269 номере «Публициста» Жак Ру выступил с развернутым анализом причин, препятствовавших, по его мнению, успешному ведению войны. К числу этих причин он относил тактику «частичных сражений», неумение обеспечить численный перевес над неприятелем для нанесения ему решительных ударов, плохое снабжение армий обмундированием и продовольствием, ненадежность штабов, несоответствие занимаемым постам многих генералов и

⁵⁴ Le Publiciste... № 263.

⁵⁵ Ibid., № 258, p. 2—3.

⁵⁶ Ibid., p. 6—8.

⁵⁷ Ibid., № 256, p. 2; № 263, p. 3.

⁵⁸ Ibid., № 254, p. 7—8.

⁵⁹ Ibid. № 257, p. 2.

⁶⁰ Le Publiciste... № 246, p. 7.

⁶¹ Ibid., № 266, p. 1—2.

⁶² Ibid., p. 3.

законодателей и т. д. Ру настойчиво предостерегал от надежды на одну только храбрость и патриотическое воодушевление солдат. «Хотя естественная доблесть французского солдата удваивает и утраивает наши силы», — писал он, тем не менее очень многое зависит от патриотизма, способностей и специальных знаний командиров, хороший выбор которых является одним из важнейших условий победы. Но главным из этих условий оставался для Жака Ру, как и раньше, разгром внутренней контрреволюции во всех ее формах и проявлениях. Без этого, утверждал Ру, «победы, которые одерживаются вне наших пределов являются только актами измены, настоящими потерями для Франции...»⁶³.

Все или почти все внимание Леклерка было сосредоточено в вопросе о войне на доказательствах необходимости уничтожения внутреннего врага, внутренней контрреволюции и на удалении дворян из армии и замене их на командных постах санкюлотами. Два этих требования не сходят со страниц всех 24 номеров его «Друга Народа».

Если Жак Ру был противником «частичных сражений» и ратовал за нанесение решительного удара в одном или нескольких генеральных сражениях, то Леклерк был столь же убежденным и страстным противником такой тактики. Он развивал и отстаивал на страницах «Друга Народа» свой оригинальный план войны с «тиранами», резко выделявшийся из всего того, что писалось о способах ведения войны в близкой к плебейским массам прессе.

«...Если они (интервенты) осмелятся продвигаться по территории республики, — писал Леклерк в номере от 4 августа, — надо, чтобы они падали, как в прошлом году, от истощения и нужды; оставляйте повсюду на их пути деревни покинутыми и поля без зерна, луга без стад и без травы, надо чтобы все, кроме наших армий, бежали бы при приближении тиранов, и чтобы совершенная пустыня, которую они встретят на своем пути, нарисовала им верную картину всеобщего ужаса, который они внушают; надо, чтобы им не на что было надеяться в своем долге и трудном походе. Любимой страстью деспотов является в первую очередь жажда господствовать и поработать людей, она угаснет, когда они не найдут ничего, кроме следов тех крайностей, до которых нас довели их неистовства. Особенно побережем кровь наших защитников; не будем рисковать решительными сражениями, которые несут с собой окровавленные лавры; они вам не нужны, если вы осуществите ту меру, которую я вам предлагаю; следите за ними, урезайте у них съестные припасы и нужда и голод скоро совершат суд над этими разбойничьими ордами»⁶⁴.

В середине августа Леклерк возвращается к своему проекту, развивая его дальше. На этот раз он видит в нем средство уже не только для победы над внешним врагом, но и для обеспечения снабжения Парижа, для ликвидации продовольственного кризиса. «Правительство должно немедленно дать самые точные приказания, чтобы сейчас же от территории, занятой врагом, до Парижа на пространстве шириной в 20 лье убрали бы все зерно и сено, опустошили бы виноградники, вырыли бы фруктовые деревья; чтобы направили внутрь страны, главным образом в Париж, продукты этой жатвы, чтобы не оставили ни одно домашнее животное — таков путь, который мы должны начертать тиранам от Сен-Кентена до Парижа. При таком положении наша армия будет только наблюдать; если враг будет продвигаться, он столкнется с опустошением; если трудность добывания съестных припасов заставит его продвигаться и разделяться направо и налево, наша армия, появляясь массой, будет уничтожать вражеские отряды поодиночке; если он будет упорствовать, продвигаясь по территории республики, он не сделает и пятнадцати лье, как нам придется сражаться со скелетами, которые опрокинет дуновение ветра. Эта мера представляет, кроме того, неопределимые преимущества, так как она заставит отхлынуть к Парижу огромное количество припасов. Она доставит нам бесконечно ценные ресурсы для прокормления многочисленных защитников, которые придут из всех департаментов в Париж, как главный штаб республики»⁶⁵.

Основанием для осуществления экономической стороны этого плана должен был быть, по мнению Леклерка, предварительно принятый Конвентом декрет о национализации торговли предметами первой необходимости. Таким образом, план ведения войны, предложенный Леклерком, интересен, помимо своей военной стороны, еще и тем, что он очень выпукло отразил стремление парижского плебейства использовать борьбу с внешним врагом для улучшения своего материального положения путем ограничения свободы торговли и буржуазной частной собственности.

Постоянно критикуя Конвент и Гору в целом за нежелание поставить террор в порядок дня и произвести чистку армии от дворян, Леклерк уделил особое внимание разоблачению позиции дантонистов в вопросах войны и мира.

Цель войны со стороны коалиции, писал он в вышедшем 25 августа XV номере «Друга Народа», посвященном почти целиком разоблачению дантонистов, не сводится только к желанию восстановить монархию. Враги Франции стремятся ослабить ее, увеличив свои владения за счет ее территории. «Я ясно чувствую, — продолжал Леклерк, — что такой ценой с

⁶³ Le Publiciste . . . , № 269, p. p. 1—6.

⁶⁴ L'Ami du Peuple . . . , № VII, p. 3—4.

⁶⁵ L'Ami du Peuple . . . , № XI, p. p. 2—4.

нами заключили бы позорный мир, и может быть в этом и заключаются злодейские расчеты некоторых людей...». Но это возможно только в том случае, если бы «перестали существовать французы на территории республики». Лучше славная смерть, чем позорный мир. «Франция, как и Рим, ведет переговоры с королями только, когда они побеждены»⁶⁶.

Решительно отвергая возможность капитулянтского мира, Леклерк выступил 4 сентября за скорейшее заключение почетного славного мира. «Будьте покойны, добрые граждане, ранее шести месяцев мы будем иметь мир с иностранными державами, не постыдный мир, навязать нам который быть может рассчитывали некоторые негодяи, но славный мир, какой заключают свободные народы. Этот мир будет для тиранов лишь передышкой, которая им дается, чтобы предоставить отдых миру, вечному театру их преступлений и их ярости»⁶⁷. Окончательным мир, по мнению Леклерка, мог стать лишь после исчезновения всех тиранов и установления всемирной республики. Борьба революционной Франции с коалицией является зарей этой всемирной республики и «свободы мира»⁶⁸. Однако авантюристическая идея всемирной республики, как *непосредственной цели войны*, была чужда Леклерку.

Итак, в июле и августе 1793 г. агитация Жака Ру и Леклерка толкала якобинцев на путь наиболее решительной и последовательной борьбы с контрреволюционной интервенцией и мобилизовала народные массы на защиту отечества. Будучи непримиримыми противниками капитулянтского мира, к которому склонялись дантонисты, предпролетарские революционеры вместе с тем выступали и против затягивания войны, против авантюристической проповеди иностранцев-космополитов о необходимости вести войну вплоть до установления всемирной республики. Позиция Ру и Леклерка в вопросах войны и мира была наиболее последовательным выражением интересов плебейских масс Франции в этих вопросах.

«Бешеные» и якобинское правительство

в июле—августе 1793 г.

Отношение Ру и Леклерка к Конвенту и его партиям

Мы не найдем в газете Жака Ру в июле и августе 1793 г. ни одного высказывания, прямо или косвенно направленного против Конвента, как высшего органа власти. Ру выступал, напротив, за оказание всяческой поддержки Горе Конвента и за сплочение вокруг Горы всех патриотов.

Отказавшись с конца июня — начала июля от критики якобинской конституции, Ру отказался и от прямой и резкой критики Горы. Он ставит знак равенства между Горой и Конвентом, подчеркивает, что все его призывы к поддержке Конвента и объединению вокруг него имеют в виду поддержку и объединение вокруг Горы⁶⁹. Ру особо выделял принятые монтаньярами (под сильнейшим давлением со стороны плебейских масс) декреты, направленные против спекулянтов и скупщиков. В этих декретах он видел частичное осуществление тех требований, которые были им выдвинуты в петиции Конвенту 25 июня. «Депутаты Горы, вы достойны благодарности за хорошие и сильные декреты, которые вы только что приняли против поставщиков армии и особенно против администрации обмундирования. Вы целиком принадлежите народу, народ целиком принадлежит вам: вы объявили войну спекулянтам и скупщикам, вы спасители отечества, вы окружены добрыми пожеланиями и благословениями огромного народа»⁷⁰. «...Я знаю, что не следует хвалить людей, когда они выполняют свой долг,— писал Жак Ру, обращаясь к монтаньярам, 28 июля, на следующий день после принятия Конвентом закона против скупщиков,— но вы проявили вчера столько храбрости и добродетели, что я думаю послужить отечеству, присуждая вам гражданский венок»⁷¹.

Был ли вождь «бешеных» искренен в своих повторяющихся из номера в номер похвалах Горе? Не была ли это чисто словесная маскировка, призванная застраховать в какой-то мере автора газеты от репрессий со стороны «власть имущих»?

Когда 10 марта 1793 г. Варле попытался поднять секции на восстание против жирондистов, которое могло кончиться разгромом Конвента, Ру стал на сторону монтаньяров, сурово осудивших этот шаг. Таким образом уже весной 1793 г. Ру выступил как сторонник союза, сотрудничества с Горой Конвента. Сторонником такого союза Ру неизменно являлся и накануне восстания 31 мая — 2 июня. Правда, в это время уже не толь-

⁶⁹ «...Лети на помощь Горе,— призывал Ру народ в номере «Публициста» от 17 июля,— защити ее своим телом или же республика погибла и свобода будет скоро не более, чем сном» («Le Publiciste...», № 244, р. 2). Гора Конвента, писал он 6 августа, «имеет вечные права на благодарность французов». Права эти основываются, по мнению Ру, на той позиции, которую заняли депутаты монтаньяры во время суда над королем, на изгнании ими из Конвента жирондистов, «на основах свободы и равенства, которые они освятили в конституционном акте», на том, что они карают смертью скупщиков и занимаются уничтожением ажиотажа. «...Поведение Конвента с тех пор, как он очищен от вождей злодейской партии государственных людей, энергичные меры, которые они приняли для спасения республики, свидетельствуют, что он хотел с первого заседания, но не мог творить добро, которое было в его сердце» («Le Publiciste...», № 246, р. 8).

⁷⁰ Le Publiciste..., № 246, р. 8.

⁷¹ Ibidem, № 249, р. 8.

⁶⁶ L'Ami du Peuple..., № XV, р. р. 3—4.

⁶⁷ Ibid., № XIX, р. 6.

⁶⁸ Ibid., р. 7.

ко «бешеные» искали союза с монтаньярами, но и эти последние были готовы итти на уступки «бешеным» и шедшим за ними плебейским массам, чтобы обеспечить себе поддержку в приближавшей решительной схватке с жирондистами. Но, будучи вполне последовательными в своем желании поддерживать монтаньяров в их борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией и в то же время заставить их встать на путь реализации социально-экономической программы бедноты, Ру *не всегда одинаково подходил к решению этой задачи.*

В июне 1793 г. Ру добивался от монтаньяров выполнения тех многочисленных обещаний, которые были ими даны парижским санкюлотам в апреле и мае. Не учитывая совершившихся после 31 мая — 2 июня изменений в расстановке классовых сил, предполагая у монтаньяров ту же заинтересованность в союзе с плебейскими массами, что и в апреле — мае 1793 г., Жак Ру пытался в своей петиции Конвенту 25 июня говорить с Горой от имени народа-суверена, пытался не просить, а требовать. Однако, исход борьбы, развернувшейся вокруг петиции Ру в последних числах июня, заставил его отказаться от попыток прямого нажима на якобинский Конвент.

Начиная в середине июля 1793 г. издавать свою газету, как продолжение газеты Марата, Ру прилагал особые усилия для сохранения союза с якобинцами. В июльских номерах «Публициста» он сделал свою первую и последнюю попытку добиться такого союза путем уступок программе якобинцев в некоторых важных социально-экономических вопросах.

Что толкнуло его на этот путь? Прежде всего, по-видимому, надежда на то, что убийство Марата заставит якобинцев качнуться влево, теснее сомкнуться с народом, опереться на него для решительного удара по поднявшей голову внутренней контрреволюции, а, следовательно, удовлетворить важнейшие требования народных масс. Надо сказать, что такие надежды имели под собой известные основания. 17 июля были полностью и при этом безвозмездно уничтожены феодальные повинности, в начале двадцатых чисел июля сдвинулся, наконец, в Конвенте с мертвой точки вопрос о борьбе со спекуляцией и скупкой. Эти меры шли навстречу требованиям основной массы крестьянства и городского плебса. Вторым обстоятельством, бесспорно побуждавшим Жака Ру искать по возможности прочного и искреннего соглашения с якобинцами, было то, что он стремился стать преемником и продолжателем Марата. Добиться даже косвенного, молчаливого признания этого со стороны якобинцев и общественного мнения, хотя бы и ценой определенных уступок, значило получить огромные преимущества в ходе дальнейшей борьбы за насущные интересы бедноты. Но в чем же заключались уступки, на которые шел Ру в первых номерах «Публициста»?

Готовность Жака Ру итти на уступки выразилась в том, что он попытался «примирить» взгляды якобинцев и свои, чисто механически излагая, часто на одной и той же странице, как нечто единое, противоположные точки зрения — свою и якобинскую. Особенно показательным в этом отношении был № 247 «Публициста».

Двойственность содержания этого номера бросается в глаза уже при чтении его обширного заголовка⁷². Также составлен и весь номер. На страницах 3 и 4 Ру вполне в духе якобинцев утверждал, что всегда, когда контрреволюционеры Лиона, Марселя, Бордо и восставших департаментов «хотели вовлечь граждан в незаконные движения, им внушали живейшее беспокойство относительно продовольствия: им доказывали, что их заставляют голодать среди плодородных равнин». Продовольственный кризис — «пустые страхи»⁷³. А на 7 странице Ру уже писал о том, что «в двадцати лье от Парижа едят парижский хлеб», о саботаже булочников, «движимых духом жадности и аристократизма», о спекуляции хлебом содержателей постоянных дворов, о скупке и уничтожении хлеба контрреволюционерами. На восьмой странице говорилось, что только после скорого утверждения конституции народом и ее введения в действие санкюлоты не должны будут больше «бороться против скупщиков, которые безжалостно осуществляют право жизни и смерти. Привилегированные компании не захватят больше торговлю съестными припасами и товарами всех родов

⁷² «Ужасные средства, которыми пользуются аристократы, чтобы встревожить народ относительно продовольствия (якобинская точка зрения). Преступное соучастие нескольких булочников и торговцев вином, чтобы его расхищать (старая позиция «бешеных»)». Отчет, наиболее способный успокоить тревоги на этот счет (якобинская точка зрения)... Размышления Друга Народа относительно привилегированных компаний, которым поручено снабжение продовольствием» (резкая критика продовольственного управления Коммуны в духе массового движения большинства секций, против которого энергично выступали якобинцы).

⁷³ «Мошенники, прикрытые мантией патриотизма, люди, развращенные в передней дворов, жестокие привилегированные, шпионы старой полиции, злодеи, оплачиваемые партией государственных людей, фанатики употребляют сегодня те же средства (что и контрреволюционеры Лиона и т. д.). ...В общественных местах, в народных обществах, в общих собраниях секций они возбуждают умы по поводу продовольствия, они хорошо знают, что ничто не способно волновать народ больше, чем фиксирование его внимания на первых жизненных потребностях, чем разговоры о недостатке необходимых съестных припасов. Они хорошо знают, что, беседуя с ним о тайно скупаемом или расхищаемом продовольствии, возбуждают роковые для свободы конвульсии: увлекают обманутую массу на преступные выступления, разделяют мирных граждан, разжигают факелы гражданской войны. Они хорошо знают, что, провозглашая нужду, заставляют ее родиться, покровительствуют разбою скупок, оставляют богатым собственникам средства жерить за счет общественных бедствий. Они хорошо знают, наконец, что подчиняя людей своему влиянию с помощью пустых страхов, становятся их господами, порабащают и пожирают их».

и не будут устанавливать больше произвольные цены на предметы первой необходимости...». Трудно было бы отчетливее сформулировать точку зрения, противоположную якобинской, хотя всего лишь несколькими страницами выше Ру излагал эту якобинскую точку зрения как «свою».

Пятую страницу № 247 своего «Публициста» Жак Ру начал с призыва к Коммуне и клубам Кордельеров и Якобинцев безоговорочно договориться по вопросу о положении с продовольствием, а заканчивая ее, предлагал народу установить строжайший контроль за всеми без исключения депутатами, генералами, судьями, администраторами, муниципальными чиновниками, столько раз предававшими народ и способными на это и в дальнейшем. И как бы показывая пример, Ру максимально резко обрушивался в конце номера на продовольственную администрацию Коммуны.

Таким образом, даже при наличии несомненного желания добиться примирения с якобинцами для Жака Ру оказалось невозможным пойти дальше чисто механического включения в первые номера своей газеты высказываний в духе экономической программы якобинцев, которые он тут же опровергал другими высказываниями, выдержанными в духе программы плебейских масс и, прежде всего, рабочих и ремесленной бедноты.

Начиная с 248 номера своей газеты, Ру, отнюдь не отказываясь от надежды повлиять на политику монтаньяров и заставить их реализовать социально-экономическую программу плебейства, считал уже ненужным делать монтаньярам даже и такие социальные «авансы», как содержащиеся в предыдущих номерах. Поворот в тактике Жака Ру был вызван принятием Конвентом 26—27 июля закона против скупщиков. Ру ответил на это событие выпуском подряд трех номеров «Публициста» — 27, 28 и 29 июля. Уже один этот факт свидетельствует о том громадном значении, которое он придавал закону 27 июля, если учесть, что номера «Публициста» выходили в июле — августе обычно через день и лишь однажды (16 и 17 июля) им были выпущены два номера один за другим. «Народ, мои пророчества исполнились...», — писал Ру. Закон против скупщиков был воспринят им как крупная уступка со стороны монтаньяров, как свидетельство того, что они, волею или неволею, становятся на путь, который он указывал, которого он требовал в своей петиции Конвенту. Отсюда и изменение тона «Публициста», начиная с № 248, вышедшего 27 июля.

Жак Ру стремился к союзу не со всей Горой. Энергично нападая на «новую» буржуазию, он не мог не выразить и своего враждебного отношения к ее представителям в Конвенте — дантонистам. Если во втором номере «Публициста», вышедшем в то время, когда Ру прилагал особенно большие усилия,

чтобы преодолеть враждебное отношение к себе со стороны монтаньяров, он называл Дантона, наряду с Кутоном и Робеспьером «незыблемой опорой свободы», то уже в номере от 8 августа — настоящем обвинительном акте против банкиров, спекулянтов, монополистов — он энергично атаковал дантонистов. Разоблачив демагогический характер выступлений Фабра д'Эглантина и его единомышленников против ажиотажа и скупки, Ру требовал конфискации имущества «новой» буржуазии. К ней он относил и «депутатов, которые до внезапного возвышения в ареопаг не имели эки в день на расходы и которые являются сегодня крупными собственниками; депутатов, которые были мясниками и которые занимают теперь отделанные панелями квартиры⁷⁴; депутатов, которые прежде чем объездили Савойю и Бельгию обедали в маленьких трактирах и которые держат сегодня открытый стол, посещают спектакли, содержат распутных женщин и имеют на жалованьи панегристов⁷⁵; депутатов, наконец, которые завладевали доверием народа, кончили тем, что выпили до последней капли его кровь...»⁷⁶.

Жак Ру протестовал, правда, довольно поздно и в весьма сдержанных, по сравнению с выступлениями Леклерка и Эбера, выражениях против исходившего от дантонистов предложения о превращении Комитета общественного спасения во временное правительство с предоставлением ему сумм на секретные расходы (№ 256 от 14 августа). 1 сентября он вновь потребовал конфискации имущества депутатов, «которые приобрели огромное состояние в течение двух лет»⁷⁷.

Еще энергичнее и резче, чем против дантонистов, выступал Жак Ру против депутатов правой стороны, которым он объявляет открытую войну. Ру отрицал, что партия «государственных людей», жирондистов прекратила свое существование в дни восстания 31 мая — 2 июня. По его словам, тогда были изгнаны из Конвента лишь главари этой предающей народ партии. Сама же она продолжает существовать в лице депутатов правой стороны Конвента⁷⁸. В своей петиции Конвенту от 25

⁷⁴ Намек на Лежандра.

⁷⁵ Намек на Дантона и Лакруа.

⁷⁶ „Le Publiciste...“, № 254, p. 6.

⁷⁷ Ibidem, № 262, p. 5.

⁷⁸ «Что же касается вас, апостолы роялизма и рабства, депутаты правой стороны, которые предпочли золото министра Питта дружбе санкюлотов; вы, совершившие столько злодеяний во имя философии и свободы, — писал Ру 23 июля, — вы будете жить, в бесчестии и позоре, вы умрете в нищете и отчаянии» („Le Publiciste...“, № 246, p. 8). 29 июля он вновь выступал против правой стороны Конвента, на этот раз с целым обвинительным актом: «...Вы узаконили убийственным молчанием воровство и взятки; что я говорю — вы были во главе скупщиков; вы руководили на их извистом пути администраторами, морившими голодом департаменты, и если бы у меня был ключ от вашего бумажника, я нашел бы там несколько миллионов, которые вы приобрели за счет крови и слез несчастных» („Le Publiciste...“, № 250, p. 7).

июня Ру требовал от Горы изгнания всех депутатов, голосовавших во время суда над королем за обращение к народу, т. е. очищения Конвента почти от 300 депутатов правой стороны и Болота⁷⁹. Требуя в «Публицисте» гильотины для главней жирондистов, Жак Ру распространял это требование и на депутатов правой стороны.

Союз, сотрудничество с робеспьеристами, слегка замаскированная борьба против дантонистов и одной части Болота и открытая война против депутатов правой стороны и другой части Болота — такова была тактика Ру по отношению к Конвенту в июле—августе 1793 г. Никогда не выступая ни против Конвента, как высшего органа власти, ни против робеспьеристов и левоякобинской части Горы, не призывая ни к разгрому Конвента, ни к его переизбранию, Ру считал в то же время полезной и необходимой его дальнейшую очистку от остатков жирондистов и значительной части Болота, причем летом 1793 г. он требовал, чтобы это осуществила Гора.

Позиция Леклерка по отношению к Конвенту и его партиям летом 1793 г., судя по его газете «Друг Народа», во многом отличалась от позиции Ру.

В июле—сентябре 1793 г. Леклерк выступил в качестве горячего сторонника и пропагандиста идей народного суверенитета. Народ является в государстве всемогущим, писал он в своей газете. Его суверенитет абсолютен и непререкаем. Народные представители — всего лишь уполномоченные волею народа. Они могут создавать законы только согласно его воле. Правительственные акты должны быть только следствиями, вытекающими из этих законов. Чиновники всех рангов могут и должны лишь исполнять законы, выражающие волю народа. Но народ-суверен вправе изменять и отменять любой закон. Одним из самых священных прав народа и каждого гражданина в отдельности является право сопротивления угнетению, право восстания против всякого, кто посягнул бы на верховенство народа.

Леклерк не был противником Конвента, как учреждения, как представительного, законодательного органа, хотя и относился с явным сочувствием к идеям Руссо о прямом народоуправстве⁸⁰. Конвент, по мнению Леклерка, мог бы удовлетворить все важнейшие требования санкюлотов и довести народную революцию до победоносного конца, но не в состоянии это сделать из-за интриг честолюбцев, новых аристократов, стремящихся только к власти и богатству и приносящих в жертву

этому интересы революции и народа, и из-за духа умеренности, которым заражены все без исключения члены Конвента.

«Друг Народа» Леклерка был, если можно так выразиться, антидантонистским органом. При этом Леклерк все свое внимание сосредоточивал на попытках дантонистов упрочить свои политические позиции, в то время, как Ру атаковал в первую очередь их социально-экономическую программу, разоблачал их демагогические маневры и указывал на них, как на подлинных вождей спекулянтов и скупщиков.

Леклерк ошибочно считал «модерантистов», «умеренных»; т. е. дантонистов и Болото господствующей силой в Конвенте. Это чрезвычайно важное обстоятельство объясняет очень многое в его отношении к Конвенту, к Комитету общественного спасения.

«Умеренным», которые были в Конвенте представителями крупной буржуазии, Леклерк противопоставлял немногих «римлян», имеющих в Конвенте, «добродетельную часть уполномоченных народа», «чистых» людей. Эти эпитеты он отнес к Робеспьеру и его группе. Не имея за собой, по мнению Леклерка, большинства в Конвенте, поскольку это большинство идет за дантонистами, робеспьеристы и левые якобинцы могут успешно бороться за торжество народной революции только опираясь на каждый шаг на поддержку народа. Народ же, санкюлоты должны в свою очередь объединиться во круг этих депутатов и поддерживать их.

«...Следи за своими законодателями и объединяйся вокруг тех, твердость, постоянная чистота, революционная энергия которых больше всего проявились в трудных обстоятельствах», — обращался Леклерк к народу в номере своей газеты от 25 августа 1793 г. Эта лучшая часть законодателей не свободна от слабостей и ошибок, причиной которых является «большая любовь к славе». Но сердце их остается честным, а руки незапятнанными. Народ знает это и верит им.

«Чистые люди, которые в недрах Конвента никогда не изменяли себе, — обращался Леклерк к этим депутатам, — видите так же, как и я, эту господствующую партию, которая составит правую сторону будущего законодательного собрания⁸¹, просветите народ по поводу опасностей, спасите себя, спасите его от несчастий, которые ему готовят...». Этой группе депутатов достаточно сказать народу слово, и для врагов свободы, какой бы маской они ни прикрывались, для негодяев разжиревших за счет ограбления народа, деливших прибыли с контрреволюционными генералами и спасавшими их от заслуженной кары, пробьет их последний час⁸².

⁷⁹ J. Roux, Adresse présentée à la Convention nationale... „Annales historiques de la Révolution française“, 1914, p. 55.

⁸⁰ „L'Ami du Peuple...“, № XIII, p. 4.

⁸¹ Подчеркнуто мною. — С. Л.

⁸² L'Ami du Peuple... № XV, p. 4.

Мысль о том, что Конвент может быть силен только близостью к народу, чуткостью к его действительным нуждам и его поддержкой постоянно развивалась Леклерком на страницах его «Друга Народа». «Не отдаляйтесь от народа,— обращался он к депутатам Конвента 30 августа,— видя его вблизи можно только выиграть. Три часа времени, проведенных у дверей булочной, скорее создадут законодателя, чем четыре года пребывания на скамьях Конвента... Я буду повторять вам непрерывно: приближайтесь почаще к народу; не забывайте, кто вы на посту, на который он вас поставил...». И он упрекал законодателей в том, что они льстят народу, когда в нем нуждаются, и презирают его, когда он им не нужен⁸³. Только выступление народа «массою» дало возможность монтаньярам одержать верх над жирондистами. И только призвав на помощь народ, «добродетельная часть» Горы может одержать верх над дантонистами.

Противопоставляя дантонистам и Болоту «чистых», «добродетельных» депутатов, Леклерк неоднократно выражал свои сомнения в том, что это крайне немногочисленное, по его мнению, левое крыло Конвента, сможет преодолеть свойственный ему «дух умеренности», страх перед решительными мерами, которых требовал народ с одной стороны, личное честолюбие и другие «слабости» — с другой. В своей критике деятельности Конвента Леклерк поэтому подчас сбрасывает это левое крыло со счета и говорит с Конвентом так, как если бы он состоял из одних дантонистов и Болота. Тон народа-суверена, выговаривающего своим нерадивым и недобросовестным агентам, чиновникам, которым говорил Ру в своем петиции и, от которого он сразу же отказался, Леклерк выдерживал на протяжении всех 24 номеров «Друга Народа». Почти в каждом номере он в самой резкой форме критиковал его действия, выговаривал ему, требовал от него сам и призывал требовать народ, атаковал его членов и т. д.

Но, как и Ру, Леклерк никогда не предлагал разогнать Конвент. Призывы к восстанию, которые встречаются в июле—августе на страницах «Друга Народа», имели в виду не восстание против Конвента, а восстание для решительной расправы с контрреволюционерами, повторение сентябрьской народной расправы с ними. Как и Жак Ру, Леклерк считал наиболее желательным вариантом основательную чистку Конвента, которая была бы осуществлена «добродетельной частью» Горы при активной помощи народа. Лишь в сентябре 1793 г. недооценка роли робеспьеристов и левых якобинцев в Конвенте и необходимости сотрудничества с ними в борьбе за насущные интересы плебейских масс приводят Леклерка к тому, что

он стал видеть основной путь для реализации социально-экономической и политической программы плебейских масс в немедленном обновлении Конвента на основе новой конституции, да еще без права переизбрания для кого-либо из его прежних членов. В июле же и августе 1793 г. Леклерк не только не призывал в своей газете к переизбранию Конвента, но даже не требовал открыто и сколько-нибудь настойчиво его чистки, ограничиваясь резкой критикой политики Конвента в ряде важнейших вопросов.

Таким образом, если социально-экономическая программа Леклерка, одинаковая по своим тенденциям, по своей плебейской сущности с программой Жака Ру, значительно уступала ей в то же время в глубине, то это справедливо и в отношении тактики Леклерка. Это относится прежде всего к ошибочной оценке им соотношения сил в Конвенте, «господствующей партией» которого он считал дантонистов и Болото, и к недооценке им значения союза плебейских, предпролетарских масс с левым крылом якобинской буржуазии как с точки зрения общенациональных интересов, так и с точки зрения классовых интересов предпролетариата. Несмотря на все это, война, объявленная Леклерком дантонистам и Болоту, имела большое значение в борьбе левого крыла якобинцев (Эбер) и «бесчестных» против усиления политических позиций «умеренных».

отношение Ру и Леклерка к Комитету общественного спасения

Критическое положение Франции летом 1793 г., смертельная борьба, которую вела республика против многочисленных и могущественных внешних и внутренних врагов требовали от якобинской буржуазии создания сильного правительства, способного осуществлять революционную диктатуру. В июле и августе 1793 г. процесс формирования и упрочения революционного правительства происходил особенно интенсивно.

Важнейшая роль в деле борьбы за концентрацию власти в руках Конвента и, особенно, его Комитета общественного спасения, и за превращение последнего в революционное правительство, а также за сохранение создавшегося режима вплоть до конца войны, принадлежала Робеспьеру и его группе, стремившихся сохранить союз не только с левым, но и с правым крылом Горы, с дантонистами. Без учета этого обстоятельства невозможно понять ту острую политическую борьбу, которая развернулась по вопросу о революционном правительстве летом 1793 г.

При обновлении Комитета общественного спасения 10 июля 1793 г. Дантон оказался за бортом этого комитета. Но было бы неправильно считать, что это произошло по инициативе

⁸³ L'Ami du Peuple... № XVII, p. 3—4.

робеспьеристов. Обновление Комитета и «отставка» Дантона были результатом сильнейшего нажима со стороны плебейских масс Парижа. Что же касается Робеспьера, то в июне и июле он энергично выступал в защиту как старого Комитета общественного спасения, так и возглавлявшего его Дантона⁸⁴.

Сотрудничество между робеспьеристами и правым крылом Горы летом 1793 г. может быть прослежено в самых различных областях. Робеспьеристы и дантонисты выступали единым фронтом против многих экономических требований плебейских масс, колебались в вопросе о постановке в порядок дня массового революционного террора и, наконец, ратовали за отсрочку введения в действие конституции 1793 г.

Это отнюдь не означало отсутствия между Робеспьером и Дантоном серьезнейших принципиальных разногласий и борьбы. Мотивы, по которым они выступали единым фронтом по целому ряду вопросов, были в большинстве случаев различны и даже противоположны. Крупные уступки буржуазии в вопросе об определении права частной собственности конституцией 1793 г. и т. д., были вызваны со стороны робеспьеристов желанием выбить оружие из рук жирондистов, обеспечить революции в ее борьбе с контрреволюционерами всех оттенков поддержку или нейтралитет возможно более широких слоев буржуазии. Для дантонистов же борьба за святость и неприкосновенность буржуазной частной собственности, за право невозбранно обогащаться и пользоваться этими богатствами, была основой их «программы».

Временный революционный порядок управления рассматривался робеспьеристами в то время главным образом как необходимое орудие для победы над коалицией, Вандеей, федералистскими мятежами и т. д. Что же касается дантонистов, то для них на первом плане стояло использование революционного правительства для борьбы с ширившимся движением «четвертого сословия» против буржуазии, с движением плебейских масс города и деревенской бедноты против спекулятивной «новой» буржуазии города и деревни. Все это, конечно, не исключало известной заинтересованности дантонистов в успешном ведении борьбы с коалицией и Вандеей, а робеспьеристов в пресечении «крайностей» плебейских революционеров.

⁸⁴ С резкой критикой старого Комитета общественного спасения и требованием его обновления выступал в июне — начале июля Марат. Кампания Марата энергично поддерживалась «бешеными» и, в частности, Обществом республиканок-революционерок. Защищая 8 июля в Якобинском клубе дантонистский Комитет общественного спасения, Робеспьер иронически и в то же время не без раздражения замечал, что «хотя он (Комитет) и не завоевал доверия гражданок республиканок-революционерок, я не считаю его менее пригодным к выполнению его важнейших функций. Если он не может добиться этого доверия, надо будет, чтобы он постарался обойтись без него» (B u c h e z e t R o u x; op. cit., t. XXVIII, p. 349).

Немалую роль в борьбе дантонистов за сохранение временного революционного порядка управления играло и стремление сохранить и упрочить свое положение в Конвенте и органах революционного правительства.

Уже во второй половине июля правящая группировка якобинцев предпринимает открытые попытки добиться сохранения сложившегося «революционного порядка управления» и отсрочить на неопределенное время введение в действие новой конституции.

1 августа Дантон предложил Конвенту «в ожидании того, что конституция войдет в действие, и для того, чтобы она могла войти в действие» превратить Комитет общественного спасения во временное правительство с полным подчинением ему министров и предоставлением в его распоряжение 50 миллионов ливров. Предложение это было энергично поддержано Лакруа и одобрено в принципе Кутонем, Жанбоном Сент-Андре, Камбоном и Барером. Однако, по требованию Робеспьера, который нашел его слишком неопределенным, оно было отложено и передано в Комитет общественного спасения.

Выступление Дантона не было предпринято им на свой страх и риск. Оно было одобрено, если не инспирировано частью членов робеспьеристского Комитета общественного спасения, а также значительной группой депутатов-монтаньяров. «Я объявляю, — воскликнул в заключение прений раздосадованный Дантон, — что поскольку возложили на меня одно-го ответственность за предложение, которое я сделал лишь, узнав предварительно мнение некоторых моих коллег, даже членов Комитета общественного спасения⁸⁵, я объявляю, что будучи одним из тех, на кого всегда больше всего клеветали, я никогда не соглашусь стать членом этого комитета. Я клянусь в этом свободой моего отечества»⁸⁶.

Предложение Дантона и развернувшиеся вокруг него прения свидетельствуют о том, что решение об отсрочке конституции созрело у лидеров Конвента уже в конце июля — первых числах августа, незадолго до торжественного принятия конституции⁸⁷. В то же время позиция Робеспьера, настоявшего на отклонении этого предложения, не может быть объяснена иначе, как опасением, что подобная мера окажется крайне непопулярной.

Предложение Дантона вызвало резкие протесты со стороны части левых якобинцев и предпролетарских революционе-

⁸⁵ Подчеркнуто мною. — С. Л.

⁸⁶ „Moniteur“, t. XVII, p. 295—296.

⁸⁷ 4 августа дантонист Шабо заявил в Якобинском клубе, что, по его мнению, одни контрреволюционеры могут в тех обстоятельствах, в которых находится республика, требовать введения в действие конституции („La Société des Jacobins“, t. V, p. p. 327—328).

ров — Ру и Леклерк. Их оппозиция этому предложению определялась недоверием и враждебностью к «умеренным», т. е. к дантонистам и Болоту. Концентрация власти в руках Комитета общественного спасения вызывала возражения со стороны парижских санкюлотов и их вожаков не сама по себе, а прежде всего из-за влияния, которым пользовались в Конвенте и его комитетах дантонисты, из боязни еще большего увеличения этого влияния и даже перехода Комитета общественного спасения, власти вообще в руки «умеренных». Не враждебность к Конвенту и Комитету общественного спасения вообще, а борьба с правым крылом Горы, с «умеренными», дантонистами, как выразителями и защитниками интересов крупной и средней «новой» буржуазии — вот объективно главная, важнейшая причина оппозиции Эбера и предпролетарских революционеров установлению диктатуры Комитета общественного спасения летом 1793 г.

Наиболее резкая и энергичная оппозиция установлению диктатуры Комитета общественного спасения исходила в августе 1793 г. от «эбертистов».

5 августа на предложение Дантона обрушился в Якобинском клубе секретарь военного министра Венсан⁸⁸, тесно связанный с Эбером. «Я ставлю в упрек Дантону и Лакруа, — заявил он, — декрет, который они предложили с тем, чтобы сделать Комитет общественного спасения правящим комитетом. Я его рассматриваю, как покушение на суверенитет народа, я считаю, что он противоречит конституции и исходит от заговорщиков. Комитет общественного спасения, присваивающий себе все виды власти, становится чудовищной властью. Я хочу, чтобы занялись средствами воспрепятствовать тому, чтобы подобный декрет мог когда-либо иметь место»⁸⁹.

В 269 номере «Отца Дюшена», вышедшем около 6—7 августа, Эбер энергично выступил против концентрации всей власти в руках Комитета общественного спасения. «Контрреволюция восторжествует раньше, чем через месяц, если оставят Комитет общественного спасения организованным так, как он организован сегодня». Нельзя концентрировать всю власть в одних и тех же руках, нельзя превращать министров в безответственных, слепых исполнителей приказов этого комитета. И Эбер требовал срочной организации исполнительной власти согласно новой конституции, а в ближайшем будущем, после ареста подозрительных и чистки армии от дворян и интриганов, и обновления Конвента. Несколько дней спустя «Отец Дюшен» ставит вопрос о том, «чтобы в будущем законодательном собрании не было ни дворян, ни адвокатов» и требует

⁸⁸ Будучи генеральным секретарем военного министра Бушотта, Венсан исполнял фактически обязанности его помощника и заместителя.

⁸⁹ Buchez et Roux, op. cit., t. XXVIII, p. 409—410.

от Конвента издания соответствующего декрета⁹⁰. В 275 номере своей газеты (около 20 августа) Эбер вновь резко протестовал против захвата всей власти Комитетами и предлагал «быстро организовать правительство, как того хочет конституция»⁹¹. В последних числах августа «Отец Дюшен» требовал введения в действие социально-экономических статей конституции⁹².

Отношение Эбера к временному революционному порядку управления определялось летом 1793 г. той борьбой за политическое влияние, которую он уже ведет с дантонистами в это время⁹³. Выступления Эбера были направлены не столько против временного революционного порядка управления, сколько против дантонистов, против их влияния в Конвенте и комитетах и, особенно, против возможности захвата ими власти.

В дантонистах Эбер видел новых «государственных людей», т. е. новых жирондистов. Если Леклерк и Жак Ру ставили дантонистам в вину в июне—июле 1793 г. их поведение в дни восстания 31 мая — 2 июня, когда они приложили немало усилий, чтобы ограничить размах народного движения и сгладить его остроту, то Эбер обвинял Дантона и Лакруа прежде всего в пособничестве Дюмурье и другим генералам-изменникам и в покровительстве изгнанным из Конвента и арестованным жирондистским депутатам⁹⁴. В 269 номере «Отца Дюшена» Эбер приписывал дантонистам намерение «водить Конвент на помочах, выдать Францию нашим врагам и выпустить на все четыре стороны маленького волчонка из Тампля, чтобы царствовать от его имени»⁹⁵. Для предотвращения этого он и

⁹⁰ „Père Duchesne“, № 272, около 19 августа 1793 г.

⁹¹ «Монтаньяры, пока комитеты будут узурпировать всю власть, у нас никогда не будет правительства или оно будет отвратительным», — писал Эбер в 275 номере. Власть королей страшна своей неограниченностью и безответственностью. Принятая народом конституция устанавливает разделение властей. «У нас никогда не будет свободы, наша конституция будет химерой до тех пор, пока наши министры будут только рассыльными в распоряжении последних подметальщиков Конвента». Эбер возражал против отсрочки под различными предлогами замены Конвента новым законодательным органом. Чтобы спасти республику, «надо быстро организовать правительство, как того хочет конституция. Тогда настанет изобилие продовольствия, так как министры станут ответственными и будут бояться за свою голову. Свобода гибнет, когда вся власть доверена неприкосновенным людям» („Père Duchesne“, № 275, около 20 августа 1793 г.).

⁹² Ibidem, № 279, около 29 августа 1793 г.

⁹³ Интересно отметить, что Шометт выступал летом 1793 г. против подчеркивания наличия различных группировок не только среди монтаньяров, но и в Конвенте вообще. На просьбу секции Мельничного холма о переименовании ее в секцию Горы Шометт ответил отказом, мотивируя его тем, что подобное наименование «стремится увековечить идею раскола, который не должен отныне существовать среди представителей республики».

⁹⁴ „Père Duchesne“, № 258, № 267 № 268.

⁹⁵ Ibidem, № 269, p. 1, 5—6, около 6 августа 1793 г.

предлагал реорганизацию Комитета общественного спасения, замену его исполнительной властью, предусмотренной конституцией 1793 г., и обновление Конвента. «Я знаю, черт возьми,— писал Эбер о Комитете общественного спасения,— что он составлен в большинстве из превосходных граждан, но есть в стаде не одна паршивая овца; к тому же этот комитет будет возобновлен и на место Робеспьера, Сент-Андре, Приера я заранее вижу проскальзывающими нескольких мошенников, жаждущих пятидесяти миллионов, которые Конвент предоставил этому комитету; берегись грабежа и контрреволюции, черт возьми»⁹⁶. Несколько дней спустя, Эбер вновь выражал тревогу по поводу того, что дантонисты, «кучка болтунов», «негодяи» снова начинают «делать погоду» в Конвенте, мешают ему делать добро и «противятся всем великим мерам, которые он мог бы использовать, чтобы спасти отечество»⁹⁷. «Отец Дюшен» обвинял дантонистов и в стремлении отсрочить введение в действие конституции⁹⁸ и снова подчеркивал связь между своим отрицательным отношением к установлению диктатуры Комитета общественного спасения и своей борьбой против дантонистов. В следующем номере Эбер объявляет старый дантонистский Комитет общественного спасения виновником всех продовольственных затруднений, переживаемых Парижем⁹⁹.

С критикой предложения Дантона о превращении Комитета общественного спасения во временное правительство Леклерк выступил раньше и Венсана и Эбера, посвятив этой критике значительную часть вышедшего 4 августа номера «Друга Народа».

«Если бывают меры опасные, неполитичные и пагубные для общественного порядка, то это, конечно, та, которая была предложена Национальному Конвенту: превратить Комитет общественного спасения в правительственный комитет»,— писал Леклерк. Он заявлял, что он рассматривает эту меру «как посягательство на свободу, как косвенный удар, нанесенный революции и как путь к диктатуре». Мера, предложенная Дантоном, привела бы, по мнению Леклерка, к уничтожению необходимого для поддержания свободы разделения властей, к установлению «ужасающей» диктатуры нескольких человек, составляющих Комитет общественного спасения, и к ниспровержению республики. Опасность сделанного Конвенту предложения усугублялась в глазах Леклерка тем, что оно вышло «из уст комиссара Бельгии»¹⁰⁰ (то есть Дантона).

⁹⁶ „Père Duchesne“, № 269, p. 7—8, около 6 августа 1793 г.

⁹⁷ Ibidem, № 272, p. 4, около 13 августа 1793 г.

⁹⁸ Ibidem, № 275, около 20 августа 1793 г.

⁹⁹ Ibidem, № 276, p.p. 6—8, около 22 августа 1793 г.

¹⁰⁰ L'Ami du Peuple... № VII, p. 6—8.

«Хвала небу! в лоне Конвента нашлись римляне, и предложение, стремившееся превратить Комитет общественного спасения в правящий комитет было отложено на неопределенное время»,— восклицал Леклерк, начиная следующий номер своего «Друга народа». Поскольку, однако, это предложение могло быть возобновлено, он считал необходимым продолжить его анализ и критику. При этом Леклерк приходил к выводу, что самым надежным средством избежать опасностей, вытекающих из предложения Дантона, «является или строго поддерживать установленный порядок вещей или быстро водворить на место конституцию»¹⁰¹.

Таким образом, в начале августа Леклерк выступал лишь против дальнейшей концентрации власти в руках Комитета общественного спасения, не скрывая, однако, своих опасений по поводу значительности уже имевшихся у Комитета полномочий. Скорейшее введение в действие конституции 1793 г. являлось для него в это время только желательным, но отнюдь не обязательным. Он готов был удовлетвориться тем, что будет строго поддерживаться «временно установленный порядок вещей».

Чрезвычайно большой интерес для понимания причин враждебного отношения Леклерка к превращению Комитета общественного спасения в главный, правящий комитет представляет вышедший 25 августа XV номер «Друга Народа». Номер был озаглавлен «Большой проект контрреволюции, существовавший в недрах Национального конвента.— Разбогатевшие негодяи, желающие сковать нам цепи.— Быстрое и необходимое пробуждение французов, чтобы отразить усилия всех их врагов».

«В недрах Конвента существует партия, среди самих монтаньяров, которая хочет или вернуть нам наши прежние цепи или дать другие, упрочившись во главе правительства»,— заявлял Леклерк. От этой именно партии и исходило «подлое предложение» превратить Комитет общественного спасения в фактически правящий комитет, предложение, «оспариваемое Робеспьером и всеми чистыми людьми, находящимися с ним в Конвенте». Именно эта партия предоставила в распоряжение Комитета общественного спасения 50 миллионов ливров. Она сделала это по инициативе ловко и для вида исключенных из Комитета Дантона и Лакруа, вполне уверенных, что они будут возвращены туда при первом возобновлении состава Комитета. «Если небольшое число добродетельных людей, остающихся еще в недрах Национального конвента, не добьется восстановления функций других комитетов, узурпированных у них так называемым Комитетом общественного спасения, то мы уви-

¹⁰¹ Ibidem, № VIII, p. 5.

дим... Робеспьера и двух или трех чистых людей, которые еще являются его членами, замененными при первом же обновлении комиссарами Бельгии и увидим как пятьдесят миллионов, которые были ему даны, послужат к возвышению нескольких честолюбцев, которые и так уже слишком обогатились отнятым у нас».

Леклерк призывал лишить мошенников депутатской неприкосновенности и «с конституцией в руках» заставить их отдать обратно награбленное у народа. В качестве же первого шага к этому он предлагал принять закон о непереизбираемости.

Далее он вновь противопоставлял дантонистам депутатов, зарекомендовавших себя твердостью, неизменной чистотой и революционной энергией в трудных обстоятельствах, и призывал последних раздавить с помощью народа «эту господствующую партию, которая составит правую сторону будущего законодательного органа». Заканчивая номер, Леклерк призывал отправлявшихся на фронт санкюлотов потребовать у Конвента «скорейшей организации исполнительной власти согласно с конституцией, потому что отечество должно дать добрым гражданам, которые летят к границам, чтобы ему служить, его защищать, уверенность в том, что пока они сражаются вне его пределов, интриганы, честолюбцы, мошенники, новые аристократы, спекулянты, скупщики не смогут внутри довести их семьи до нужды и приготовить им новые оковы».

Приведенные высказывания Леклерка показывают, что его политическая программа определялась в своих основных пунктах задачами борьбы с представителями «новой» буржуазии в Конвенте — дантонистами и Болотом. Исходя из этого, он протестовал против дальнейшей концентрации власти в руках Комитета общественного спасения. Для борьбы с «умеренными» требовал он создания Исполнительного совета согласно новой конституции. С той же целью он ставил вопрос о том, что члены Конвента не должны иметь права быть переизбранными в новый законодательный орган.

30 августа Леклерк горячо поддержал петицию республиканок-революционерок Конвенту и, в частности, их требование «быстрой организации Исполнительного совета согласно конституции».

Организация Исполнительного совета нужна для того, чтобы доказать народу, что конституцию ему дали «не только для формы», и закрыть двери для злобы и клеветы, «потому что аристократы не преминули бы спросить у народа, где эта конституция, которую он поклялся сохранять». Она необходима также потому, что «некоторые министры, как, например, военный, не могут, несмотря на искреннее желание, удовлетворить всей широте своих обязанностей; поэтому важно и для общественного блага и для них облегчить угнетающее их время».

Нежелание Конвента удовлетворить это требование Леклерк объяснял стремлением депутатов обеспечить себе места в Исполнительном совете в случае, если бы они не были переизбраны в новый законодательный орган. Самолюбие, честолюбие, мелкие страсти — таковы по его мнению, побудительные причины этого отказа¹⁰².

Следует отметить, что требуя организации Исполнительного совета согласно новой конституции, Леклерк еще не ставил вопроса о назначении новых выборов, о переизбрании Конвента.

Итак, с 20 июля, когда вышел первый номер «Друга Народа», и до 25 августа Леклерк лишь один раз, 6 августа, поднимал вопрос о скорейшем введении в действие конституции 93 г., причем говорил об этом лишь как об одном из возможных вариантов организации политической власти на современном этапе. Лишь в последних числах августа он начал требовать организации исполнительной власти согласно новой конституции, т. е. ее частичного введения в действие.

Против превращения Комитета общественного спасения в правительственный комитет Жак Ру выступал непосредственно сдержаннее не только Эбера, но и Леклерка. Эта сдержанность вытекала из тактики Ру, в основе которой лежала идея сотрудничества с центром и левым крылом Горы, стремление добиться реализации социально-экономической программы плебейских масс руками робеспьеристов и левых якобинцев путем оказания на них давления в различных формах.

С критикой предложений Дантона Ру выступил лишь один раз — в вышедшем 14 августа 256 номере «Публициста». «Угнетается все общество, когда угнетен один из его членов, — писал он. — Свобода была бы скоро уничтожена, если бы один индивидуум присвоил себе право заключать под стражу другого; если бы один комитет соединял одновременно много полномочий; если бы он выдавал себя за важнейший комитет, за правительство; если бы в его распоряжение предоставили 50 миллионов; история нас учит, что римские сенаторы не замедлили поработить народ, когда они присвоили себе гражданский лист... Это золото покойного тирана навлекло столько бедствий на наше несчастное отечество».

Из этого отрывка следует, что Жак Ру был против дальнейшей концентрации власти в руках Комитета общественного спасения, против предоставления в его распоряжение секретных фондов, за сохранение существующего положения, при котором власть осуществлялась одновременно Конвентом, его комитетами и Исполнительным советом.

Важный материал для понимания отношения Жака Ру к

¹⁰² L'Ami du Peuple..., № XVII, p. 5.

временному революционному порядку управления дает анализ позиции, занятой «Публицистом» по отношению к новой конституции. Жак Ру, не говоря о других предпролетарских революционерах, никогда не выступал *против* конституции 93 г. Он лишь критиковал ее недостаточность с точки зрения удовлетворения насущных экономических интересов широких народных масс и предлагал дополнить соответствующими статьями¹⁰³. Потерпев в конце июня поражение в борьбе за осуществление своего требования о дополнении конституции, Ру отказался от всякой ее критики. В беседе с Маратом за несколько дней до убийства последнего он заявил, что «раз конституция принята, он подчинится ей и употребит все средства к ее защите и поддержке»¹⁰⁴. Отныне он стремится использовать конституцию 1793 г. в интересах плебейских масс в том виде, в каком она была принята Конвентом.

Свою борьбу за реализацию социально-экономических требований плебейских масс Жак Ру ведет теперь под флагом той самой конституции, которую он совсем недавно, в другой ситуации критиковал за неспособность удовлетворить эти требования. Для этого он по своему толкует ее статьи, вкладывает в них желательное ему содержание.

«...Подлые скупщики, торговавшие за прилавком кровью санкюлотов,— писал Ру 21 июля,— ваше царствование не будет продолжительным, так как написано: «Не делай другому того, чего ты не хочешь для себя»¹⁰⁵. Таким образом, в статью «Декларации прав человека и гражданина» конституции 1793 г., определявшую в весьма общих выражениях границы свободы вообще, он вкладывал смысл ограничивавших право собственности статей проекта «Декларации прав» Робеспьера, статей, на включении которых в конституцию (в иных словесных формулировках) Ру настаивал в своей июньской петиции Конвенту. «...Под знаменем законов, которые являются вашим творением, вы насладитесь свободой и счастьем,— писал он снова 25 июля,— вам больше не придется бороться против скупщиков, которые безжалостно осуществляют право жизни и смерти. Привилегированные компании не захватят больше торговлю съестными припасами...». «Конституция! конституция, приди скорей нам на помощь»¹⁰⁶— таким призывом заканчивался этот номер.

¹⁰³ См. С. Л. Сынтин. «Бешеные» и якобинцы после народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. Из истории борьбы парижского плебейства за удовлетворение своих социально-экономических требований летом 1793 г. Ученые записки Ульяновского педагогического института им. И. Н. Ульянова, том XV, вып. III, Ульяновск, 1959, стр. 3—59.

¹⁰⁴ См. об этом выше, стр. 340.

¹⁰⁵ Le Publiciste..., № 245.

¹⁰⁶ Ibidem, № 247, p. 7—8.

В вышедшем 28 июля 249 номере Ру опять-таки подчеркивал, что конституция 93 г. «фиксирует наши пожелания» в отношении борьбы против спекулянтов и скупщиков. В том же духе выступал вождь «бешеных» и 17 августа, заявляя, что «купцы, бакалейные торговцы, собственники, которые будут продавать так же дорого, как они делали до этого дня (10 августа, дня торжественного обнародования конституции) съестные припасы первой необходимости наверно хотят уничтожения республики»¹⁰⁷, т. е. являются контрреволюционерами со всеми вытекающими отсюда последствиями для их личности и собственности.

Но Ру приветствовал конституцию 1793 г. и добивался ее скорейшего обнародования и хотя бы частичного введения в действие не только потому, что он пытался «прислонить» к ней свою социально-экономическую программу. Он дорожил также теми демократическими свободами, которые провозглашала конституция и которые облегчили бы плебейским массам и их руководителям борьбу за интересы «четвертого сословия» в революции. «Администраторы, судьи, командующие, хранители общественной власти,— писал он в уже цитированном номере от 21 июля,— вы не развернете больше перед народом знамя военного закона, так как написано: когда подвергается угнетению один член общественного организма, то тем самым угнетается весь общественный организм»¹⁰⁸.

Наконец, Жак Ру видел в конституции и средство для того, чтобы решительно расправиться с жирондистами и их еще заседавшими в Конвенте сторонниками. «Неверные представители, несущие со свободой на устах, но с рабством в сердце железо и пламя в департаменты, ваше царство будет непродолжительным, так как написано, что никто не имеет права считать себя более неприкосновенным, чем другие граждане»¹⁰⁹.

Таким образом, в июле и августе 1793 г. Ру, в отличие от Леклерка и Эбера, отнюдь не связывал свое требование скорейшего обнародования и частичного введения в действие конституции ни с организацией согласно конституции исполнительной власти, ни с новыми выборами в законодательный орган.

Преследование якобинцами «бешеных» в августе 1793 г.

Оппозиция «бешеных» предложению о превращении Комитета общественного спасения в правительственный комитет, в основе которой лежала их борьба против влияния «умеренных», дантонистов в органах якобинской диктатуры, явилась

¹⁰⁷ Le Publiciste..., № 257, p. 5.

¹⁰⁸ Ibidem, № 245, p. 7.

¹⁰⁹ Ibidem.

в начале августа 1793 г. причиной новых выпадов Робеспьера против Жака Ру и Леклерка в Якобинском клубе и Конвенте.

Если в выступлениях Робеспьера против предпролетарских революционеров в августе 1793 г. на первом этапе стояли разногласия по политическим вопросам, то в выступлении против Жака Ру руководителей Коммуны, результатом чего был его первый арест 22 августа 1793 г., на первом плане стояли разногласия между мелкой буржуазией и предпролетариатом в вопросах социально-экономического характера и, в частности, в вопросе о всеобщем максимуме.

Первый арест Жака Ру убедительно показывает¹¹⁰, что в основе борьбы якобинцев против плебейских, предпролетарских агитаторов во второй половине июля—августе 1793 г. лежали как и в июне, так и зимой и весной 1793 г. не столько политические разногласия, сколько противоречие социально-экономических требований плебейских масс, т. е. прежде всего рабочих и ремесленной бедноты, интересам крупной, средней и мелкой буржуазии. В борьбе Робеспьера против Ру и Леклерка в августе 1793 г. на первом плане стоял вопрос о временном революционном порядке управления. Между тем наиболее серьезный удар предпролетарским революционерам был нанесен в августе не Комитетом общественного спасения, фактическим руководителем которого был Робеспьер, а Коммуной, во главе с Шометтом и Эбером. Этот удар пришелся не по Леклерку, оппозиция которого временному революционному порядку управления была наиболее резкой, а по Жаку Ру, оппозиция которого была значительно умереннее. Оппозиция Эбера и его единомышленников (Венсан и др.) временному революционному порядку управления была в августе 1793 г. не менее резкой, чем оппозиция Леклерка и тем более Жака Ру. Это не помешало Эберу вместе с другими руководителями Коммуны особенно энергично преследовать Ру. Руководство Коммуны преследовало Жака Ру потому, что он был одним из вдохновителей и организаторов движения большинства секций за всеобщий максимум, за дальнейшее ограничение права частной собственности, движения против мелкобуржуазной ограниченности социально-экономической и, в частности, продовольственной политики руководителей Коммуны.

Борьба якобинцев против руководителей революционного движения парижского плебейства оказалась в августе 1793 г. почти безуспешной. Лишь народное движение 4—5 сентября, заставившее якобинцев пойти на ряд крупных уступок социально-экономическим требованиям городской и деревенской бедноты, дало им вместе с тем возможность расправиться с подготовившими это выступление предпролетарскими рево-

люционерными и значительно ослабить революционное движение большинства парижских секций, в руководстве которыми «бешеные» играли, как известно, видную роль.

Летом и осенью 1793 г. не плебейские массы во главе с Ру и Леклерком выступали против якобинцев, а якобинцы преследовали и подавляли идейно возглавленное «бешеными» революционное движение парижского плебейства за «фактическое» равенство. Этим якобинцы несколько ускорили раскол сложившегося в апреле—мае того же года демократического блока революционной буржуазии, городской мелкой буржуазии, крестьянства и плебейства, что означало резкое сужение социальной базы якобинской диктатуры.

Политическая же программа и тактика «бешеных» — Жака Ру и Леклерка, вопреки утверждениям ряда буржуазных историков, не только не мешала летом 1793 г. сплочению всех революционных сил для разгрома феодальной контрреволюции и временного обуздания крупной спекулятивной буржуазии, а, напротив, немало способствовала упрочению якобинской диктатуры, как «диктатуры низов», что и обеспечило решительную победу буржуазной революции во Франции.

О движении «бешеных»

Захер Я.М. «Бешеные», их деятельность и историческое значение

Захер Я.М. Бабеф и «бешеные»

Захер Я.М. Движение «бешеных»

Захер Я.М. К вопросу о значении взглядов «бешеных»

в предыстории социалистических идей

Марков В. Жак Ру и Карл Маркс

(Как появились «бешеные» в «Святом семействе»)

Солтановская Т.Г. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.

Фрейберг Н.П. Декрет 19 вандемьера

и борьба «бешеных» за конституцию 1793 года

Захер Я.М. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.

Захер Я.М. Жан Варле во время якобинской диктатуры

Захер Я.М. Последний период деятельности Жака Ру

Захер Я.М. Теофиль Леклерк и его «Друг народа»

Марков В. Дореволюционный период Жака Ру

Марков В. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики»

Захер Я.М. Общество революционных республиканок 1793 г.

и его борьба с якобинцами

Захер Я.М. Жак Ру в 1792 г.

Захер Я.М. О двух темных местах ранней биографии Жака Ру

Серебрякова Г.И. Клер Лакомб

¹¹⁰ См. выше, стр. 324—334.— *Ред.*